

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

**ОСОБЕННОСТИ ЛИТОВСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ
В СБОРНИКЕ Й. БРОДОВСКОГО**

Выпускная квалификационная работа

студента IV курса
отделения литовского языка и литературы
Марии Викторовны Крюгер _____

подпись

Научный руководитель
к. ф. н., доц. В. П. Казанскене

_____» _____ 200__ г. _____

подпись

Санкт-Петербург
2016

Защита состоялась «___» _____ 200__ г.

Оценка _____

Члены комиссии: _____

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Исторический контекст событий в Малой Литве в начале XVIII века...	7
1.1. Предпосылки для создания словаря и сборника.....	7
1.2. Словарь Якова Бродовского.....	8
1.3. Сборник «Litauische Sprichwörter und Rätsel»	10
1.3.1. Основные графические обозначения в тексте сборника.....	11
Глава 2. Основные формы паремий в сборнике.....	13
2.1. Структура паремий	14
2.1.1. Афоризмы и присловья	16
2.1.2. Загадки и апофтегмы	18
2.1.3. Загадки с подробным описанием	20
2.1.4. Императив в загадках	22
2.1.5. Загадки с обращением	23
2.1.6. Загадки с условием	24
Глава 3. Лексика паремий.....	25
3.1. Вводные комментарии	25
3.2. Основные источники лексики для словаря и сборника	26
3.2.1. Этнографическая литература.....	27
3.2.2. Дидактическая литература.....	28
3.3. Особенности лексики.....	29
3.3.1. Славянизмы	30
Глава 4. Семантика паремий	32
4.1. Религия	33
4.2. Характеристика человека	36
4.2.1. Характер и отношения.....	36
4.3. Социальные роли.....	38
4.3.1. Отец – Ребенок	38
4.3.2. Гость	39

4.3.3. Нищий	40
4.3.4. Пьяный	40
4.3.5. Вор	41
4.4. Животные	42
4.4.1. Животные в загадках	42
4.4.2. Собака.....	43
4.4.3. Волк	44
4.5. Орнитонимы	45
4.5.1. Петух	45
4.5.2. Ворон/ворона.....	46
Заключение.....	47
Список литературы	48

Введение

В последнее время в Литве издается много книг, относящихся к истории литовской письменности. В частности было подготовлено издание мелкого фольклора, собранного Я. Бродовским около 1716 года, который и послужит **источником** моего исследования.

Объектом исследования является сборник мелкого фольклора Й. Бродовского «Litauische Sprichwörter und Rätsel». Яков Бродовский¹ также является автором литовско-немецкого и немецко-литовского словаря, в основу которого и лег исследуемый в настоящей работе сборник.

Предметом исследования являются особенности графики, структура паремий, лексика и тематические группы пословиц, поговорок. Особое внимание уделяется рассмотрению языковой ситуации, побудившей Я. Бродовского к созданию сборника мелкого фольклора и словаря.

Цель работы – анализ паремий, включенных в сборник: рассмотрение особенностей графики, плана выражения и плана содержания изречений, деление паремий на типы, особенности лексики изречений, а также основные семантические группы, встречающиеся в них. Сборник двуязычный: для представленной поговорки или пословицы Бродовский отыскивает немецкое соответствие или просто переводит на немецкий язык. В этой связи в работе также рассматриваются наиболее интересные немецкие эквиваленты и переводы.

Для достижения данных целей необходимо было выполнить следующие **задачи**:

1) рассмотреть основные предпосылки создания словаря и сборника, языковую ситуацию в Малой Литве в начале 18-ого века, а также историю создания словаря и, в особенности, сборника;

2) исследовать структуру паремий сборника, а именно основные формы изречений;

3) рассмотреть основные черты графики паремий, включенных в сборник;

4) исследовать особенности лексики паремий сборника;

5) подробнее рассмотреть наиболее интересные семантические группы, на которых подразделяются изречения, собранные Я. Бродовским.

¹ Вариант

Актуальность исследования обусловлена тем, что труд Я. Бродовского – это первый большой сборник литовского фольклора, составленный отдельно, а не рассыпанный отдельными пословицами или поговоркам и по словарям, и русскому читателю пока неизвестен. Кроме того, интересна также история установления его авторства. Сборник Бродовского был издан сравнительно недавно и исследован совсем немногими лингвистами, что также дает возможность для новых исследований.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые, хотя и обзорно, паремии подвергаются разностороннему анализу, при котором уделяется внимание структуре, грамматике и семантике изречений, переводимых на русский язык.

Материалом для данной работы стал сборник паремий и загадок начала XVIII века Я. Бродовского, привлекается также немецко-литовский словарь того же автора.

Основным **методом** исследования является анализ особенностей паремий сборника, в отдельных случаях добавляя исторический аспект (то есть, прослеживая изменение значения и употребление той или другой паремии).

Теоретическую основу исследования составляет труд Г.Л. Пермякова «Основы структурной паремиологии» в отношении форм паремий, а также *З. Зинкявичюса и Й. Палёниса по истории литовского языка, работы современных литовских исследователей, посвященные паремиологии*. В первую очередь исследование опиралось на работу О. Алекнавичене, подготовившей критическое факсимильное издание пословиц, поговорок и загадок Я. Бродовского, снабженное подробнейшими индексами.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что представляемый разносторонний анализ интереснейшего сборника мелкого фольклора открывает возможность как для более детального исследования отдельных аспектов того же материала, так и для сравнения с паремиями других народов (русского, немецкого).

Практическая значимость исследования заключается в том, что в работе впервые представлены переводы на русский язык большинства паремий сборника Я. Бродовского, что позволит русскоязычному читателю наиболее близко познакомиться с исследуемым литературным памятником, самым большим и выдающимся сборником лексики литовского языка 18 века, аналогов которому нет.

В будущем, мне кажется, возможны две перспективы для дальнейшей работы: во-первых, перевести все паремии и загадки, сопоставить с соответствующими русскими пословицами и поговорками, снабдить каждую

единицу небольшим комментарием, обосновывающим мотивацию того или иного высказывания, связывающим с обычаями, верованиями прошлого.

Глава 1. Исторический контекст событий в Малой Литве в начале XVIII века

1.1. Предпосылки для создания словаря и сборника

В 1706 году были изданы три значительные для истории литовского языка работы, которые отразили горячую дискуссию о языке, на каком хороший священник должен общаться с верующими: обсуждались правила и норма литовского живого и письменного языка. Первым из участников этого спора был пастор М. Мёрлин, который поднял вопрос, нужна ли реформа литовского языка.

Поводом для спора можно считать издание в 1701 году так Нового Завета С. Битнера (Самуэль Битнер был одним из переводчиков, поэтому этот перевод часто называется его именем). Завет готовился совместными усилиями церковников: кальвинистами центральной Литвы и лютеранами Малой Литвы. Дротвинас указывает, что перевод Нового Завета 1701 года – первая попытка сделать перевод на общем языке для Малой Литвы и Княжества Литовского, однако ‘эксперимент’ согласования диалектов закончился неудачей [Drotvinas 2008].

Язык Центральной Литвы для прусских литовцев был непонятен. Для такого непонимания были политические причины: уже больше 130 лет Литовское княжество было частью Речи Посполитой и язык ее жителей испытывал сильное влияние славянских языков, особенно польского; кроме того в самом литовском языке было множество диалектов. Малая же Литва (на самом деле со значительно меньшей территорией) в отношении диалектов была значительно более едина, но на язык сильно влиял немецкий язык, так как она уже давно составляла северо-восточную часть германской провинции и называлась Восточная Пруссия. Отсюда непонимание текста, которое должно было устранить новое издание Нового Завета. К тому же не исключено и ревностное отношение между собой двух реформатских церквей - лютеранской и кальвинистской.

Поэтому язык так называемого Битнеровскоко перевода вызвал критику и письменную дискуссию о языке. Отметим, что в ней в основном участвовали священники. Первым вышел трактат Гумбинского священника Михаеля Мёрлина *Principium primum in lingua Lithvanica*, изданный в Кёнигсберге (1706), основная идея которого заключалась в том, что с народом следует

говорить на его языке – простом и всем понятном. Этому языку священник должен учиться непосредственно у народа – речи, изречениям, песням. Также появляется перевод десяти басен Эзопа, осуществленный священником Иоганном Шульцем *Die Fabeln Aesopi, zum Versuch nach dem Principo Lithvanicae lingvae vertrit* – издание становится первым переводом на литовский язык художественной литературы. Эта работа должна была воплотить в жизнь теоретические принципы М. Мёрлина. В том же году священник Якоб Перкун из Валтаркиемиса в Лейпциге и Франкфурте публикует критическую рецензию на перевод басен Эзопа, названную *Wohlgegründetes Bedenken über die ins Litauische übersetzten zehn Fabeln Aesopi und derselben passionierte Zuschrift* – эта объемная рецензия, написанная по-немецки, также стала первой печатной рецензией текста на литовском языке¹. Исследователь истории литовского литературного языка Й. Паленис отмечает, что идеи Мерлина и сама дискуссия оказали влияние на пасторов Малой Литвы, многие стали собирать слова, народные песни, пословицы, заботиться о чистоте языка. Стали появляться грамматики, словари литовского языка [Palionis 1979: 118-119].

1.2. Словарь Якова Бродовского

В истории литовского языка Яков Бродовский считается одним из наиболее значительных лексикографов Малой Литвы. Он родился приблизительно в 1695 году в небогатой семье недалеко от Гелдапе. Бродовский учился в Кёнигсбергской старгородской школе. В 1710 году он поступил в Кёнигсбергский университет. С 1713 года был учителем (прецентором) церковной школы в Тремпах.

Считается, что словарь «*Lexicon Germanico-Lithvanicum et Lithvanico-Germanicum*» Я. Бродовский закончил в 1740 году, при этом его составление заняло у него около 30 лет [Palionis 1979: 124]. Принимая во внимание этот факт, можно предположить, что работу над словарем Бродовский начал в 1710 году, через 4 года после выхода трактата Мёрлина «*Principium primarium in lingua Lithvanica*» и других важных в этой связи трудов. Таким образом, скорее всего именно дискуссия о литовском языке зародила в Бродовском желание внести свою лепту в развитие и совершенствование литовского языка в соответствии с основным принципом, предложенным Мёрлином – обогащением языка народной лексикой, и, в особенности, фольклором.

¹ Институт литовской литературы и фольклора в 2008 году под общим заголовком "Trys 1706 metų filologinės polemikos šaltiniai" ("Три источника филологической полемики 1706 года") издал прекрасно подготовленные документированные тексты М. Мёрлина, Иог. Шульца и Я. Перкуна – с фотографированным текстом, переводом на литовский язык, индексами и статьями.

Всё свободное от работы время Бродовский посвящал сбору данных лексики литовского языка. Его последователь, Г. Остермейер, писал, что Бродовский близко общался с простыми людьми, которые были для него учителями народного языка и «поставщиками» материала для будущего словаря. Услышав то или иное интересное слово или выражение, он тотчас же его записывал, а позже, уже дома, переписывал. За 30 лет он создал большой немецко-литовский и немецко-русский словарь, который, однако, не издали, так как он не был отредактирован окончательно. До нашего времени дошла только неполная немецко-литовская часть, которая состоит из 1000 рукописных страниц. Именно эту часть Я. Бродовский написал в первую очередь. Вторая часть состояла из 461 страницы, но она не сохранилась [Zinkevičius 1990: 252-253].

При написании словаря Бродовский руководствовался более ранними работами по лексикографии, а также старинными текстами: рукописью предполагаемого словаря Ф. Претория, словарём Ф. В. Гака, Матфея Претория 'Prūsijos įdomybė', переводом Библии 1735 года, а также, возможно, грамматикой Клейна и словарем Сирвидаса [Zinkevičius 1990: 253].¹ Словарь Якова Бродовского был не единственным словарем из тех, что выходили в то время, который бы включал в себя народную лексику и разнообразные паремии. В 1747 году издается двуязычный словарь Филиппа Руига «*Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon, Worinnen ein hinlänglicher Vorrath an Wörtern und Redensarten, welche sowol in der H. Schrift, als in allerley Handlungen und Verkehr der menschlichen Gesellschaften vorkommen, befindlich ist*». Из сходств данного словаря со словарем Бродовского стоит отметить в первую очередь то, что, как и Бродовский, Руиг был сторонником взглядов М. Мёрлина на язык, особенно разделял идею о важности народного языка, поэтому при составлении словаря не ограничивается лишь библейскими текстами – в словаре представлены лексемы и изречения, относящиеся к разнообразным сферам жизни общества. Палёнис указывает, что при подготовке словаря Филипп Руиг также, как и

Й. Бродовский пользовался трудами Сирвидаса и Гаака. С точки зрения представленной в словаре народной лексики и разнообразия всевозможных фразеологизмов, словарь Руига является более полным по сравнению со словарем Бродовского [Palionis 1979: 125]. Тем не менее, словарь Руига включает всего 40 пословиц и поговорок, что, несомненно, гораздо меньше, чем в словаре Бродовского, где по подсчетам ученых представлено более 2200

¹ Константинас Сирвидас подготовил первый польско-латинско-литовский словарь „*Dictionarium trium linguarum*“ («Словарь трёх языков»). Первое издание словаря вышло в Вильне в 1629 году. Наибольший интерес представляет третье издание словаря (1642). А. Сабалиускас подчеркивает, что данное издание очень сильно отличается от первого, которое насчитывает приблизительно 6 тысяч лексем, в то время как в третьем обнаруживается 10 тысяч. Несмотря на этот факт, в третьем издании отсутствует по крайней мере две тысячи лексем, зафиксированных в первом издании [Sabaliauskas 1979: 27].

единиц мелкого фольклора [Drotvinas 2009: 13] и в сборнике, в котором количество паремий различных форм и значений насчитывается около 500.

1.3. Сборник «Litauische Sprichwörter und Rätsel»

С вышеупомянутым словарем непосредственно связан еще один труд Я. Бродовского – сборник мелкого фольклора, собранного около 1716 года, который и служит источником моего исследования. Изучаемые в данной работе поговорки, пословицы должны были пополнить словарь "народной лексикой" – именно ради этой цели Бродовский и создал сборник. В словарь собранные Proverbia (поговорки), Phrases (фразы), Aenigmata (загадки) Бродовский поместил приблизительно 500 единиц.

Однако перед тем, как начинать говорить об особенностях этого сборника, следует рассказать почти детективную историю. Дело в том, что такого наименования как "Сборник пословиц и поговорок Якова Бродовского" три года тому назад не существовало. Еще в Словаре литовского языка [LKŽ] довольно часто стояла помета "PrL XVII – Rytų Prūsijos XVII a. rankraštis, nežinomo autoriaus, 40 lapų", т.е. "Рукопись из Восточной Пруссии неизвестного автора, 40 листов", без указания автора, года составления и места написания. Рукопись хранилась в библиотеке Врублевских Литовской Академии наук, была доступна и изучалась. В частности, Ю. Лебедис включал большую часть материалов в свой "Сборник литовского фольклора" [Lebedys 1956]. Были многочисленные попытки установить авторство рукописи: отмечалось, что большая часть текстов рукописи совпадает с сохранившейся частью словаря Бродовского, изданного В. Дротвиной [Brodovskis 2009].

Вопрос об авторстве был убедительно решен Оной Алекнавичене, два года тому назад издавшей книгу «Сборник пословиц, поговорок и загадок Якова Бродовского». Тщательнейшим образом подготовленное и прекрасно изданное исследование включает в себя монографию, критическое издание и факсимиле с индексами [Aleknavičienė 2014].

Первым шагом на пути к определению авторства сборника было установление времени написания сборника [Aleknavičienė 2014:]. Определив период, появляется возможность сравнить исследуемую рукопись с другими, найти человека или группу людей, которые уже оставили свой след в истории языка, литературы и культуры. Постепенно сужая поле поиска, можно надеяться, что найдется достаточно доказательств для установления авторства и места написания. Один из традиционных способов установления датировки – исследование времени, когда была изготовлена бумага, именно так и было установлено, что время написания сборника – первая половина 18 века. Она Алекнавичене указывает, что еще в 1956 прекрасный знаток ранней литовской письменности Ю. Лебедис не исключал возможности, что автором сборника

является Бродовский, в основном опираясь на совпадение материала пословиц в Сборнике и в словаре. Значительно позднее точку зрения Лебедиса подтвердила Л. Плаушинайтите, изучив лексикографический метод словаря Я. Бродовского [Plaušinaitytė 2010: 280]. Важнейшим аргументом оказался результат графологической экспертизы, показавший, что подчерк словаря Бродовского и сборника пословиц принадлежит одной руке, то есть, один и тот же человек является автором обоих трудов. Любопытно, что в рукописи пословиц замечена и другая рука, которой сделаны уточнения и дополнения к основному тексту. Пользуясь тем же графологическим анализом было установлено, что эти вставки в рукописи сделал Г. Остермейер¹. О. Алекнавичене посчитала, что всего в рукопись Я. Бродовского Г. Остермейер вписал 16 немецких и 11 литовских фраз, исправил минимум 5 литовских слов.

Таким образом, можно предположить, что именно дискуссия 1706 года о том, каким должен быть литовский язык, и сподвигла Якова Бродовского на создание уникального словаря, большую часть которого составляет мелкий фольклор: пословицы, поговорки, загадки, высказанные понятными словами простых людей. Ничего похожего в таком масштабе ранее в Литве не создавалось. В 1747 году был издан словарь Филиппа Руига, который также включает в себя фольклорные элементы, однако их количество (40 паремий) несоизмеримо мало по сравнению с приблизительно 500 изречениями, собранными Бродовским. Считается, что сбор фольклора было для Я. Бродовского подготовкой к написанию словаря. Напомним, что в словаре паремий почти четыре раза больше, нежели в изучаемом нами сборнике. Были ли еще и другие списки аналогичных текстов, неясно. Но и сейчас, когда наименован создатель сборника, когда эта народная мудрость собрана в одном месте, а не рассыпана по словарю, и еще так бережно представлена в исследовании О. Алекнавичене, результат можно считать счастливой удачей.

1.3.1. Основные графические обозначения в тексте сборника

В тексте сборника использованы очень разнообразные символы: *a, á, â, à, ã, ç, b, c, ć, cz, c̣, d, ḍ, e, é, è, é, ê, ë, ě, g, h, i, ì, j, ï, ð, y, ŷ, ÿ, j, k, l, ł, m, ñ, n, ñ, o, ó, ô, p, r, s, ś, ŝ, sz, ŝ, ŷ, t, u, ù, ú, û, u, ũ, w, y, ź, ż.*

С большой буквы начинаются предложения, а также все виды существительных, как в немецком языке (реже – прилагательные и глаголы). О. Алекнавичене указывает, что в тексте сборника встречаются синонимичные

¹ Готфрид Остермейер (G. Ostermeyer) подготовивший новое издание 1781 г., напечатал отредактированный сборник песнопений, но язык этого сборника не устроил пастора Восточной Пруссии П. Милкуса. Опять, как и в начале 18-ого века, завязалась горячая дискуссия. Остермейер даже написал полемическую работу в 4 частях как апологию против нападок Милкуса: он характеризовал свой псалтырь, уповая на то, что добивался максимальной ясности, чтобы и самый глупый человек мог понять [Palionis 1979: 120-121]

слова: заменяя одно слово другим, образуются два варианта того же типа [Aleknavičienė 2014 : 59]. Бродовский обычно дает один, а синонимы представляет несколькими способами:

1. над словом: *Gali jūkais numirt' ˘primirt' ˘ PR 4r I,13* ‘Дословно: помереть можешь со смеху’
2. в скобках после слова: *Gėrai Ugnis kurt', prie' Kėlmo (Kėro) ˘Kero˘ faufo. PR 4v I,5* ‘Хорошо разводить огонь у сухого пня (с хорошей руки всё хорошо пойдет)’
3. после соединительного слова: *Duše ne Žmógus f. Žmona PR 2r I,23* ‘Душа, а не человек/жена’

Из наиболее интересных особенности графики нужно отметить следующие: О. Алекнавичене подчеркивает, что очень часты у Якова Бродовского геминаты (*ketturi PR 36r I,9, sukkas PR 19v I,4, kadd PR 40v II,5*) (от лат. *geminio* — удваиваю) – двойные согласные, при артикуляции которых происходит задержка размыкания [Ахманова 1966: 140]. Благодаря влиянию немецкой графики редупликация была особенно распространена в Восточной Пруссии [Palionis 1995: 31].

Интересно написание Я. Бродовским дифтонгов *au, ai, ei, ui* (вместо *ay, ey, uy*), которое впервые установил Д. Клейн [Palionis 1995: 25]. Это могло быть обусловлено тем, что при подготовке словаря и сборника Бродовский в значительной мере пользовался трудами Клейна¹. В этой связи следует сказать о дипломной работе Е. Капитульского, целью которой являлось исследование и анализ языка литовского катехизиса Бернарда фон Зандена «*Krikščioniškas susikalbėjimas*», вышедшего в 1694 году в Кенигсберге. Капитульский указывает, что в исследуемом им катехизисе в середине слова правила Клейна выполняются (*aplaistyti* [34] *eiti* [310] ит. д.), однако в абсолютном конце слова такие дифтонги чаще пишутся с символом *j* (*žinnaj* [31], *tiktaj* [36] и т. д.) [Капитульский 2011: 10]. Данное замечание можно отнести также и к содержанию сборника Бродовского, с поправкой на то, что в абсолютном конце дифтонг *ai* выглядят как *ay* с *y* (*ули y*), а не *j* (например, в *ilgay PR 20v II,2°*, *geraj PR 8r I,12B* и *brangiej PR 12r I,5*). Написание дифтонга *ui* у Бродовского традиционное, например в *paskui PR 12r I,4*.

Капитульский указывает, что в исследуемом им Катехизисе отсутствует знак «носине» у *u* в окончаниях множественного числа родительного падежа [Капитульский 2011: 12]. Данную особенность можно заметить также и у Бродовского (*PR 27v I,7 Waiku kai' Purpu (alii [Grikku]) ô Dūnos nei ˘nè Pluttos* ‘Детей как бобов (гречки), а хлеба – ни корки’).

¹ Подробнее см. главу Лексика

Выводы первой главы

Подводя итоги первой главы, отметим, что деятельность Якова Бродовского, видимо, вполне хорошо вписывается в картину действий и образа жизни образованных пасторов, как правило, немцев, в литовских приходах на территории Малой Литвы. Ясно, что основной целью германских властей была онемечивание инородного (литовского) импакта в государстве. Языковая политика — говорить с народом на его языке — должна была служить этой цели. Священники дорожили занимаемой должностью, не всегда были терпимы к успехам и ошибкам коллег.

Однако за "бытовой" стороной их жизни отчетливо заметно стремление к жизни интеллектуальной, которое проявляется деятельным интересом к языку. Это выражено в публикуемых дискуссиях, переводах текстов (и не только религиозных), писании словарей, сборе фольклорного материала. Это характерно фактически для всего XVIII века: от дискуссий во главе с М. Мёрлином, до споров Г. Остермейера. Также, случай с переводом Нового Завета Битнера интересен обращением внимания на наличие диалектов и попытками найти некую общую норму. Надо отметить, что в случае с Я. Бродовским, можно наблюдать следующую схему написания словаря: первоначальный сбор материала, а потом инкорпорирование его в словарь. Столь мощное обращение Я. Бродовского к мелкому фольклору — его формам и содержанию, а также отбору тем посвящена вторая глава нашей работы.

Глава 2. Основные формы паремий в сборнике

Оригинальное название сборника "Litauische Sprichwörter und Rätsel" («Литовские пословицы и загадки») подсказывает нам, какого именно типа паремиологические единицы (иначе говоря, изречения), мы могли бы встретить в нем. Однако в сущности данное название далеко не полностью отражает содержание сборника: гораздо глубже его характеризует название, присвоенное ему исследовательницей Оной Алекнавичене, а именно: "Jokūbo Brodovskio patarlių, priežodžių ir mįslių rinkinys" («Сборник пословиц, поговорок и загадок Якова Бродовского»). На самом деле разнообразие представленных в сборнике паремий невероятно велико и сложно было бы уместить это разнообразие в одном лишь названии.

2.1. Структура паремий

В первую очередь стоит обратить внимание на самое очевидное, а именно – на пословицы и поговорки. Словарь литовского языка определяет *patarlė* ‘пословица’ как краткое выражение, которое в сжатой форме выражает какую-нибудь житейскую мудрость [LKŽ; Бредис 2015: 7]. Первая попытка сравнительного рассмотрения литовских пословиц была предпринята восточно-прусским лютеранским священником, философом, филологом и фольклористом, Филиппом Руигом. В 1745 г. в Кёнигсберге был издан труд Ф. Руига под названием «Betrachtung der littauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften». В конце этого первого исторического исследования о происхождении, сути и особенностях литовского языка автор добавил три литовских песни и целый ряд пословиц, поговорок и загадок – в общем и целом 125 единиц, отмечая их древность. М.А. Бредис подчеркивает, что они должны свидетельствовать о древности и "приятности" литовского языка. Однако вернемся к определению изучаемых фольклорных единиц.

Разницу между пословицей и поговоркой не так просто определить. В.И. Даль замечает: «... стоит прибавить лишь одно словечко или сделать перестановку, и из поговорки вышла пословица». Эту мысль он разъясняет такими примерами: «Он сваливает с больной головы на здоровую», «Он чужими руками жар загребает» — поговорки. А «Чужими руками жар загребать легко», «Сваливать с больной головы на здоровую — не накладно» — пословицы [Даль 1957: 1, 20].

Г.Л. Пермяков указывает, что различие между пословицей или поговоркой происходит по признаку грамматической завершенности. Пословица имеет вид предложения (т.е. отличаются грамматической завершенностью), а поговорка – всего лишь его части (т.е. грамматически незавершенны) [Пермяков 1988: 16].

Чтобы верно понять языковую структуру пословиц и поговорок, и в частности вопрос об их грамматической завершенности, Г.Л. Пермяков предлагает вспомнить о том, что такое язык и речь. Язык – система знаков, которая является обязательной для всего общества (народа) в целом и не зависит от определенных индивидов. Речь же, наоборот, представляет собой нечто индивидуальное, служащее для передачи информации от одного человека к другому. К числу всего того, что существует в речи, но при этом относится ко всему языку и потому является понятным для всех говорящих на нем людей, и принадлежат паремиологические единицы. Г.Л. Пермяков классифицирует их по трем видам грамматической завершенности: [Пермяков 1988: 17]

А) Отдельные сочетания слов: *Оставил корову сторожить сено.*

Б) Самостоятельные предложения: *Сорванное яблоко обратно не прирастет.*

В) Целые небольшие рассказы или сценки (побасенки): *Верблюду сказали: – Поздравляем, тебя сам царь вызвал! – Знаю, – ответил верблюд, – или в Кохб за солью пошлет, или в Шарур за рисом.*

Предложенная Пермяковым классификация вполне подходит и для изучения паремий Я. Бродовского:

А) PR 5v I,6 *Ginna kai' Pèmpè Wa{i}kus*

‘Защищает, как чибис детей’ (рус. Бережет как зеницу ока);

PR 5v I,9 *Ginna kai' Pùda*

‘Защищает как кастрюлю’;

PR 6r I,1 *Giroj' Lokius iβtokinn', o Žmogaus||n' iβtokinn'*

‘В лесу медведей выучивают, а человека не выучивают (о глупом человеке)’;

PR 7r I,20 *Gÿriafi wifs' žinnas* ‘Хвалится, будто всё знает’;

PR 8v I,14 *Ilti grieže ant jio.* ‘Клык на него точит’;

PR 8v II,1 *I Klána pùles Saufas nekélfi* ‘Упав в лужу, сухим не встанешь’.

Б) PR 5r I,19 *Ger's Žódis géra Wieta randa.* ‘Хорошее слово находит хорошее место’;

PR 7r II,5 *G{ÿ}w's ne gali lýft i Žeme* ‘Живой не может под землю лезть’;

PR 22r I,5 *Szû nefafikabas ant Ubagû* ‘Собака на бедняков не нападает’;

PR 7r I,5 *Gražus Paukβtis ne gražey gieft* ‘Красивая птица, да некрасиво поет’;

PR 21r I,3 *Swiet's Griekais, Pékla Welnais pereit.* ‘Люди превосходят грехами, а ад – чертями’;

PR 21r I,8 *Szalt's Miegas Alu jaućient / Szalt's Miegas, kadd' Alus Kubile rugfta* ‘Холоден сон, когда чувствуешь пиво / ‘Холоден сон, когда пиво в чане бродит’.

В) PR 6v I,4 *Giwéfi, lobúfi! Wÿžà Lóbi wéβi, Pirβtu Dûna riekfi, Wamždžù Grucže fréβfi, Wargu Gala gawfi, ant Langa sédēfi, jūdu Dumu pabezdēfi.*

‘Будешь жить в богатстве, лаптём деньги повезешь, пальцем будешь хлеб резать, трубой кашу хлебать, на окне сидеть, черным дымом бздеть’;

PR 3v I,17 *Eikβ walgÿt', jau priwalgiau* <←priwalgau> [*βen' Dien' || ir Aβaru* ‘Иди поешь. - Я сегодня уже слезами наелся’;

PR 21v I,8 *Sztaÿ Tingini Pauta!]* *Ar nuluptas?]* *Edi Gumba]* <←Gumbû>, [*ne mano lupta*

‘Леттяй, бери яйцо! Оно очищено? Фиг получишь, а не мною очищенное’

PR 23r I,20 Taw Wilke Ožkos gint] R [Netikku. || Wÿs Szunnÿs] R [Tam tikku ‘Тебе, волк, коз на пастбище отправлять. | Не верю. | Тогда собаки погонят? | Верю’.

Первые два высказывания выступают в речи в виде предложений; первое пополнено словами из речевого контекста – (кто-то) защищает, как чибис детей; второе не имеет переменных членов и клишировано от начала до конца. В третьем изречении и в языке, и в речи ситуация представлена несколькими предложениями (образует сверхфразовое единство). Таким образом, следуя классификации Пермякова [Пермяков 1988: 17] А – поговорка, Б – пословица, В – побасенка.

Таким образом, часто именно синтаксические особенности пословиц и поговорок позволяют определить тип изречения.

- Незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста (поговорка)
- Замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов (пословица)
- Сверхфразовое единство (побасенка)

2.1.1. Афоризмы и присловья

В первую очередь необходимо рассмотреть афоризмы и присловья, которые выделяет Пермяков на материале русского языка, такие как, например, *Свое дело делай сам* и присловья - *Звонит, как пустой кувшин*. Афоризмы - клише, но с прямым смыслом, которые Даль в отличие от пословиц именовал «пословичными изречениями» [Даль 1957: 1, 20]. Пермяков предлагает их называть «народными афоризмами» [Пермяков 1988: 18].

В сборнике Бродовского главная отличительная черта афоризмов – форма императива. Также, важно подчеркнуть, что они почти всегда содержат тот или иной назидательный смысл:

PR 3v I,4 Eik' móki Žódi, žinnai Kélia ‘Иди, владеешь речью, знаешь путь’ (ср. рус. Язык до Киева доведет);

PR 17v II,10 Sawo nelába nepagiri, fwétima géra nepápeiki

‘Свое недобро не хвали, чужое добро не порицай’;

PR 6v I,1 Giwenk kai iþgali, wálgik kai' //iþfiténki. ‘Живи как сможешь, ешь

сколько уместится (живи по средствам)’ Точное русское соответствие: «по одежке протягивай ножки». Немецкое соответствие: *Strecke dich nach deiner Decke*;

PR 8v II,1 I Klána pūles Saufas nekélfi ‘Упав в лужу, сухим не встанешь’.

Присловья, в отличие от поговорок, имеют прямой смысл. Значительная часть таких изречений представляет собой разного рода сравнительные обороты – прилагольные, приименные и принаречные, т.е. состоящие при каком-либо слове [Пермяков 1988:18]

PR 2v I,1 Džiaugies igijes kai' Warle Akis ‘Радуетя, как лягушка приобрета глаза’¹;

PR 7r I,9 Greit's kai Kibirkþtis ‘Быстрый как искра’;

PR 23r I,23 Teip þkaudzeþ priede, aþ uþ Ūdegos Pilwo ne matýt' ‘Так сильно наелся, что за хвостом живота не видать’;

PR 25r I,13 Tþka kaip' Szþ ‘Подстерегает как собака как собака’.

Кроме этого в сборнике Бродовского встречаются очень короткие изречения, которые также можно отнести к присловьям. Такое толкование данного типа паремии дается в «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, Шведова 2003]: «Присловье — поговорка, вставляемая в речь ради украшения, увеселения, шутки, прибаутка».

PR 7v I,7 Iaunþfta, paþkifta ‘Молодость – глупость’;

PR 7v I,10 Iaunþfta, Ponþfta ‘Молодость - барство’.

Интересна грамматическая форма указанных выше изречений – существительные с суффиксом *ust*: созвучие слов этого кратчайшего текста должно облегчить его запоминание:

PR 17v I,17 Senþfta] <←[*Sen's jis*] > [*ne ponþfta*] ‘Старость | он стар | не барство’ (рус. старость не радость);

PR 17v I,20 Senþfte, Ubbagþfte, (Negalþfte) ‘Старость, нищенство, бессилие’.

¹форма *Džiaugies* представляет собой фонетической написание, должно быть *džiaugiasi*, см. словарь Бродовского, с. 503.

К описанному выше типу коротких присловий относится также и данный пример:

PR 23v I,14 Tewélis Dudinink's, Sunélis Bubninink's ‘Отец – на дуде игрец, сын – барабанит’.

Здесь также нужно отметить полное отсутствие других частей речи, кроме существительных, которые служат для создания яркого образа описываемых явлений.

В сборнике представлен еще один особенный тип присловий, в которых фигурируют формы причастий:

PR 17r I,4 Sakofi teifu éfas ‘Мол, он прав’;

PR 5v I,12 Girdžiu Kára dabar neturinti Galo ‘Слыхал, у войны сейчас нет конца’;

PR 24r II,1 Tikifi wifs mokas ‘Надеется, будто всё знает’;

PR 27r I,5 Wadinte wadinnau ‘Зовом звал’.

2.1.2. Загадки и апофтегмы

Особое место в сборнике Бродовского занимают загадки и апофтегмы. Апофтегма представляет собой краткое остроумное изречение [Михельсон 1896—1912] (греч. *Apophthegma* (*Apophthengomai* 'отвечаю') — ответ на вопрос). Этим термином у библейских исследователей «истории форм» школы принято обозначать слова Христа, приведенные в контексте евангельского рассказа, в отличие от логий, изречений, не имеющих прямой связи с повествованием [Мень 2002: 88]. Однако в фольклоре, как и в сборнике Я. Бродовского, апофтегмы, как правило, имеют форму вопроса и кратко односложного ответа:

PR 40v I,2 Ka Dieus ne tur] R [Aukβtefno||fawe arba Wyrefno ‘Чего нет у Господа Бога? Того, кто был бы выше или старше Его’;

PR 10r I,8 Kas faldefnis uz Medu?] R. [Miegas] ‘Что слаще меда? Сон’;

PR 10r I,4 Kas ne supuwa po Zeme?] R [W{á}rdas]//f. bona fama. ‘Что не гниет под землей? Доброе имя’;

PR 10v II,12 *Ko daugiaus ant Swieto.] R. [Galu ‘Чего больше всего на свете? Несчастий’;*

PR 34v I,11 *Atfikeldams i ka iminni pirma?]]R [I Senÿfte ‘Встав, во что вступишь сначала? В старость’;*

PR 9v II,3 *Kas eit pirma jus.] R. [Waikuneri{m}asffis]].] <←Waikur>*

‘Кто идет впереди вас? | Забота о детях’.

Структурно на апофтегмы похожи загадки, так как они имеют схожую форму: вопрос-ответ. Часто различие между ними семантическое или, скорее, стилистическое. А. П. Квятковский пишет, что загадка представляет собой замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде [Квятковский 1966: 376]. Примеры, которые приводит Квятковский: «О ста ногах, о семи хребтах» (борона), «Кланяется, кланяется, придет домой — растянется» (топор); «Конь стальной, хвост льняной» (игла с ниткой). В загадке, как правило, говорится о вещах, близких к бытовой сфере жизни:

PR 10v I,3° *Kas yra gražefnis po Smerczo, ne kai gyws! R Wėzys ‘Кто красивее после смерти, а не когда жив? Рак’;*

PR 10v I,1 *Kas nepenims tunka] R Led’s ‘Кто неоткормленный, жиреет? Лёд’;*

PR 11r I,1 *Ka] ne užweddi prieß Kalna.] R Kámoli ‘Что не заведешь на гору? Мяч’;*

PR 12v II,4 *Marga Marginaite, ßille pakabita.]]R. [Genÿs,]‘Пестрый-препестрый, в лесу висит. Дятел’;*

PR 13r I,3 *Maža K{le}telė, ßkatikelu dengta.]]R. [Agûna ‘Маленький амбар, грошиком покрыт/ мак’.*

Загадка, в отличие от апофтегмы, менее лаконична, ответ на нее более очевиден из контекста (ср. с апофтегмой PR 9v II,5 *Kas mielas.] R [Kakalis ‘Что мило? Печь’*, ответ на которую может быть, в сущности, любой) В вопросе, который содержится в апофтегме, не дается почти никакого намека на ответ, в отличие от загадок:

PR 10v II,4 *Kas ÿra ir uz Kornÿcze Baznÿ{ci}os||aukßciaus] <←aukßcie>, [o nupulda{m}s p{a}ikas?]] R [Zwirblÿs, nupuldams] <←nupuldas> [p{a}ikas Szudas Zwrblio puikeÿ lengwaÿ nupûl. ‘Кто выше и церковной башни, а когда упал – плохой? Воробей, а когда упал – воробийная кашка: прекрасно, легко падает’.*

Еще одна характерная черта загадки, связанная с семантикой – сравнение, описываемый предмет передается при помощи подбора специальных эпитетов, метафор, благодаря которым можно было бы догадаться, о чем конкретно идет речь:

PR 11r II,2 Kunnigo Marþkinei be Sules. ||| *R Paut's* ‘Рубаха священника без шва? Яйцо’ (ср. рус. «Стоит поп низок, на нем сто ризок, сорок одежек и все без застежек» (кочан капусты));

PR 11r I,1 Ko ner Baznūcioj’] *R [Kakalio.]* ‘Чего нет в церкви? Печки’;

PR 38r I,4 Eit Iautis i Uppe gért’ o Pilwa || *Nammè paliekt’.*] *R [Užwalkalai*

‘Идет бык к реке пить, а живот дома оставляет – наволочка’.

2.1.3. Загадки с подробным описанием

Помимо описанных выше загадок с весьма ёмкой формой и коротким ответом, в сборнике можно встретить и целые подробные описания. В них часто нет никаких метафор, но и они строятся так, что их очень трудно разгадать, ибо в них размышления отгадчика направляются по ложному пути:

PR 12r I,2 [*Li]ndau Ūla ir Akmeni, pelnau Peili, brangiey pirкта, pirma buwau*] <←*buwai*> *Tewo duktė, paškui tapjau Tewo Moma.*] *R [duktė Tewo apkalta per mura* *skyle padarufi Krutis zinde* ‘Лез через скалу и камень, заработал нож, дорого купленный, прежде была дочерью отца, потом стала матерью отца. Дочь отца закрытого, через каменную стенудыру сделав, грудью кормила’ (ср. рус. Что за зверь: в зиму ест, а летом спит; тело тепло, а крови нет; сесть на него сядешь, а с места не свезет);

PR 13r I,7 Mažas budams keturis waldziau, Užauges Kalnus warcziau, numirres Bažnūczion ejau.] *R [Iautis]* <←*ejau. Iautis*> [*mazas budam’s,*] *i. e. [werβelis ketturus Pappus zinda, užauges are, pamuβto]* *i. e. [numirrufo Skuros Kurpes fuwa.]*

‘Маленьким четырьмя владел, выросши горы сворачивал, когда умер, в церковь ходил | Вол: будучи маленьким, то есть, теленком, четыре соска сосет, взрослый пашет, когда его зарезают, из шкуры мертвого башмаки шьют’;

PR 37v I,4 [*Ejau Kėliū, Kėle fatikkau, sawo mielo nepažinnau, dėjau i Anti nepakėlau, neβau Rankoje iβmetczau.*] *R Die Biene[n] begegnet, seine Biene nicht gekant, auch nichthat anfaβe[n] kōne[n].*

‘Шла путь-дорогой, путь встретила, своего милого не узнала, положила за пазуху – не подняла, несла в руке – уронила | нем. Пчелу встретила, свою пчелу не узнала, схватить не смогла | или Свет в церкви);

PR 40v II,5 [Kadd jauna buwau, Rože žydejau, kaip pafennau, Akis igyjau] <←igijau>, [pro tas Akis pati iβblindau.] R. [Agūna, zydedama kaip Roze Skilėles gauna, atanka, iβnokufi iβbirrau wejui papurtinus

‘Когда молода была, розой цвела, как состарилась, глаза приобрела, через те глаза сама вылезла – мак, цвела как роза получает дырочки, прозревает, созрев высыпается, если ветер встряхнет’;

PR 34r I,2 Aβ pati wālgiau, mane pacze wālga, ant manne wālga, po manimi wālga R Ein Weib aβ Äpfel auffm Baum, säugte ihr Kind, unter ihr fraβ ei[n] Wolff ein Aaβ, über ihr ein Raab eben das

‘Я сама ела, меня саму ест, на мне ест, подо мной ест | женщина на дереве ела яблоки и кормила грудью ребенка, под ней волк, а над ней ворона ели падаль’.

В сборнике Бродовского представлена также и загадка, которая представляет собой целую сценку, с очень подробными описаниями и большим количеством так называемых «загадок в загадке». Основное объяснение приводится на немецком языке: литовец приходит в дом и находит там девицу, на которой хочет жениться. Он спрашивает девушку об её отце, матери, брате, сестре, где они были. На это она ему отвечает:

PR 32v I,9 1. [Tėw’s iž mážo daug jieβka.] ‘Отец из малого многое ишет’;

PR 32v I,10 2. [Móma Džiáugfmo Ligga férga.] ‘Мать больна болезнью радости’;

PR 32v I,11 3. [Brólis Pirβtu] <←Pirβto> [Gálo jieβka.] ‘Брат пальцем отыскивает конец’;

PR 32v I,12 4. [Seffū Szimtais škaita.] ‘Сестра сотнями считает’.

PR 32v I,13 Die Meýnung der Braut war diese: Мнение невесты было таково:

PR 32v I,14 1. Der Vater säet Korn ‘Отец сеет зерно’;

PR 32v I,15 2. Die Mutter liegt in den Woch[en]. ‘Мать поправляется после родов’;

PR 32v I,16 3. Der Bruder fischet. ‘Брат ловит рыбу’;

PR 32v I,17 4. Die Schwester wircket Leinwand ‘Сестра ткёт’.

PR 32v I,18 Hierauff bietet ihm die Braut Eβe[n] an. Тут невеста предлагает ему еду:

PR 32v I,19 1 [Ar nori pakárto Szuns?] ‘Хочешь повешенной собаки?’;

PR 32v I,20 2. [*Ar nori tarp Rietu buttito?*] 'Хочешь между бедрами согретого?';

PR 32v I,21 3. [*Ar nori iß Subines smukufo?*] 'Хочешь выскользнувшее из задницы?';

PR 32v I,22 4. [*Ar nori ant Saules képufo?*] 'Хочешь гретого на солнце?';

PR 32v I,23 5. [*Ar nori iß Wandens spiaudulo?*] 'Хочешь плевать из воды?';

PR 33r I,1 *Die Braut bietet ihm hiemit an.* – Невеста ему предлагает:

PR 33r I,2 1. *Speck oder* [*Skilandis.*] 'Сало или Скиландис';

PR 33r I,3 2. *Glomft.* 'Творог';

PR 33r I,4 3 *Eyer.* 'Яйца';

PR 33r I,5 4. *Käfe.* 'Сыр';

PR 33r I,6 5 *Fische.* 'Рыба';

Приходит невеста:

PR 33r I,18 1 [*Nei Nūga, nei aprēdyta.*] Ни гола, ни одета (нем. ответ – обмотана сетью);

PR 33r I,19 2. [*Nei raita, nei wazióta.*] Ни верхом, ни на повозке (букв. та, на которой едут);

PR 33r I,20 3. [*Tarp Wáfaros ir tarp Zėmos.*] Между летом и зимой' (нем. толкование «между телегой и санями»);

Здесь следует обратить внимание на использование вводных «ни-ни». Ср. рус. – ни рыба, ни мясо.

2.1.4. Императив в загадках

Разнообразие форм выражения загадок, представленных в сборнике Я. Бродовского, необычайно велико. Формы императива представлены в сборнике особенно хорошо:

PR 15r I,3 *Nupiauk man Galwa, ißimk birdi,||dūk kalbēt'.*] *R Birbyne Plunkfnos* 'Отруби мне голову, вынь сердце, дай говорить (свирель, сделанная из пера)';

В следующих примерах повелительное наклонение означает обобщенное действие:

PR 8r I,2 Iauns} wédes (jauna tékėjufi) neffi [gai]lėkis, užaugs Sunus kai' Brólei, Duktėrs kai' Sefer's.]

‘Молодой (молодая), женившись (выйдя замуж), не раскаивайся: вырастут сыновья как братья, дочери как сестры’;

PR 3v II,10 Efk, ėdziu Gála ne gaufi, jei kas ne primuβ'

‘Ешь, корму конца не будет, если кто не побьет’;

PR 21v I,6 Sznekkek greitaj Diena trumpa (нем. оригинальное соответствие *Der Herbst ist der Bauren Sauffzeit*)

‘Говори быстро, день короток’;

PR 27v I,10 Walgik, Diewa garbink, o Namu||ne minėk

‘Ешь, славь Бога, а дома не упоминай’.

2.1.5. Загадки с обращением

Интересны целые обращения – изречения, не похожие по форме ни на один из перечисленных типов: например, с обращением к объекту. Здесь мы опять же видим форму повелительного наклонения:

PR 24v II,3-9 Tirβtas Krums, dirma raffa. Brandze Warpa, Zeminele {Ž}iedkele. Iβlaikyk Sweikatoje ir Geribeje Žegnok Walgomus, Geremus, Sejemus, akejemus ant βos Zemineles Žiedkeles paffidzauktis apfergek nūg alkana Žweris.

‘Пышный куст, питающая роса. Спелый колос, о Жеминеле [земля], Цветы поднимающая, сохрани во здравии и благополучии. Осени крестом то, что едят, что пьют, что сеют, что боронят на этой Жеминеле [земле], Цветы поднимающей, чтобы порадоваться, охрани от зверя голодного’.

Она Алекнавичене называет это изречение «дохристианской молитвой» [Алекнавичене 2014: 189]. Главным компонентом здесь является обращение – теоним *Žeminėlė Žiedkelė*, труднопереводимое на русский язык. *Žemynėlė* – это диминутив, ласковое обращение к земле. *Žemė* – земля, а также диминутивный суффикс *ėl*. Лексема *Žiedkelė*, вероятно, образована при помощи корня *Žied*, который входит в состав существительного *žiedas* ‘цветок’ и корня *kel-* (*kelti* ‘поднимать, будить’ – основные значения). Сопоставив эти части, можно перевести *Žiedkelė* как «поднимающая цветы», где «цветы» можно понимать не только как определенный тип растений, а, видимо, как все, что произрастает на

земле в общем, и, в первую очередь, то, что наиболее важно для человека – урожай.

Норбертас Велюс указывает имя языческой богини земли *Žemyna* в списке наиболее часто употребляемых Бродовским в своем словаре имён божеств [Vėlius 1996: 68]. Так как словарь двуязычный, понимание представленной Бродовским в словаре лексики значительно облегчает тот факт, что после литовской лексемы или выражения приводится немецкий перевод или соответствие. Так, *Žemune* – это *Žemės pati, Göttin des Getreides* ‘Земля Владычица, Богиня зерновых культур’.

В русской традиции *Žemynėlė Žiedkėlė* – это, возможно, Мать Сыра Земля. Нужно обратить внимание на то, что и в литовской, и в русской дохристианской традиции данный теоним – женского рода. Земля считалась воплощением воспроизводящей силы природы, поэтому ее уподобляли женщине. Оплодотворенная дождем земля давала урожай, кормила людей, помогала продолжить род. Поэтому в заговорах часто употреблялась формула: "Земля - мать, небо - отец", например: "Гой еси, сырая земля, матерая! Матери нам еси родная, всех еси нас породила" [Капица 2011]. Приведенное в качестве примера изречение с данным теонимом в сборнике не единственное:

PR 31v II,4 Žeminele Žiedkele pakilek mufû Rankû Darbus ‘Жеминеле [Земля], Цветы поднимающая, подними вверх труды рук наших’.

В сборнике множество других паремий с обращением:

PR 7v II,3 Iau aš tave parawėjau i Wÿza, [jau]||tawe salenkiau i Lan{k}a

‘Уж я тебя сорвал в лапти, уже тебя согнул в лук’ (обращение к дереву);

PR 17r II,1 Sagriðk, padidifiu’] <←padidifim’> [Alga, pamažifiu’] <←pamažifim’>
Darba

‘Вернись, увеличу (увеличим) получку, уменьшу (уменьшим) работу’.

2.1.6. Загадки с условием

Часты изречения, в основе которых – условные предложения:

PR 8r I,12 Iei geraÿ iðwirrei, geraÿ ir walgÿfi

‘Если хорошо сварил, хорошо и поешь’;

PR 8r I,20 Iei walgite ne priwalgifi, laižite ne||prilaižifi

‘Если не наешься, пока ешь, то вылизывая не налижешься’;

PR 8r II,6 Ie gerru begèrru, je ne gerru||gaila, gaila man Alutti paliekant

‘Если пью, то пью, если не пью – жаль, жаль мне пиво оставлять’ Песня (литовская);

PR 8r II,9-10 Ieį giwentina, priffigiwes, jeį||wargtina priffiwargs

‘Если суждено жить, то разживется, если дано бедствовать, то набедаствуется’.

(нем. *Bin ich zum Schilling geboren, werd ich kein Groschen werden* ‘Если я родился шиллингом, грошом не стану’)

Условие в пословицах – особенный элемент, необходимый для обобщения, формулирования некоторой закономерности, поучения кратким словом, а именно это и является главной задачей пословицы.

Выводы к второй главе:

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что разнообразие представленных в исследуемом сборнике паремий очень велико. Бродовский не ограничивается лишь пословицами, поговорками и загадками: в сборник включены многие разновидности таких паремий, такие как афоризмы, присловья, сценки, побасенки, апофтегмы и загадки самых разных форм и типов: загадки с обращением, императив в загадках, а также загадки с условием. Классификация собранных Яковом Бродовским паремий основывается на классификации, предложенной В. Пермяковым [Пермяков 1988]. В сборник «Litauische Sprichwörter und Rätsel» Я. Бродовский включает целые сюжетные зарисовки, элементы дохристианских молитв и строчки из народных песен, что еще раз подтверждает уникальность и ценность собранного Я. Бродовским материала как с лингвистической, литературной, так и с этнографической точки зрения.

Глава 3. Лексика паремий

3.1. Вводные комментарии

Одним из основных аргументов в пользу того, что автором сборника «Litauische Sprichwörter und Rätsel» является именно Яков Бродовский, был бы тот неоспоримый факт, что очень многие пословицы, включенные в сборник, встречаются также и в немецко-литовском, литовско-немецком словаре Бродовского. По этой причине исследование лексики в данной проводится с

опорой на вышеупомянутый словарь. Интересна история и судьба самого словаря Я. Бродовского. В 1706 году вышел трактат Гумбинского священника Михаэля Мёрлина, в котором он выделяет основные принципы литовского языка, а именно – необходимость в большей степени опираться на фольклор и язык народа: 'Aš manau taip: lietuviškos patarlės turi daugiausia naminių ir labiausiai tinkamą vartoti žodžių' "Литовские поговорки имеют больше всего своих и наиболее подходящих для употребления слов" [Mörlinas 1706:22]. Й. Палёнис подчеркивает, что именно после выхода данного трактата еще острее ощущалась необходимость создания более обширного словаря литовского языка, который включал бы не только библейскую лексику, но и не встречающиеся в Библии слова и выражения, характерные для народа. К созданию такого словаря и приступил Бродовский. Несмотря на то, что на его составление автор потратил около 30 лет жизни, однако этот огромный труд остался не напечатанным. Палёнис указывает, что Бродовский близко общался с людьми, постоянно при себе имел дощечку для записи незнакомых ему слов и изречений [Palionis 1979 : 124]. Сохранившаяся часть рукописи (неполная немецко-литовская часть, которая состоит из 1000 рукописных страниц) была напечатана лишь относительно недавно – в 2009 году, и по ней можно судить о масштабности замысла автора. Винцентас Дротвинас подчеркивает, что основной целью Бродовского было записать и накопить большое количество литовских слов, а также показать случаи их употребления, связь со словами немецкого языка, с помощью пословиц раскрыть «дух» слова, показать менталитет жителей Малой Литвы. Уникальными чертами сборника и словаря является не только разнообразие и обилие собранного лексического и фразеологического материала литовского языка, но и его достоверность [Brodovskis 2009]. Дротвинас указывает, что в словаре пословицы и поговорки записаны следующим образом: сначала Бродовский пишет ту или иную поговорку на немецком языке, потом – на литовском (при этом имеются случаи, когда сделано наоборот). Возле изречений Бродовский часто ставит пометы *Prov.*, *Pr.* как в основном тексте словаря, так и (хотя и в меньшей степени) в виде заметок на полях. Это говорит в пользу того, что поговорки Бродовский собирал на протяжении всего времени подготовки словаря [Drotvinas 2009: 13].

3.2. Основные источники лексики для словаря и сборника

При написании словаря Й.Бродовский руководствовался более ранними работами по лексикографии, а также старинными текстами. Бродовский не ограничивался сбором слов, опираясь лишь на письменные источники – множество данных он записывал непосредственно за людьми. Это и заложило основы новому направлению лексикографии [Zinkevičius 1984–1995]. С точки зрения происхождения Дротвинас разделяет литовские поговорки, собранные Бродовским, на следующие группы [Drotvinas 2009: 13]:

1) Аналоги или соответствия немецким изречениям: *PR 2v I,14 Dūna Bāda, Bēda Kójes taišo* ‘Хлеб голод исправляет, а беда – ноги’ (*Guth macht Ubermuth, Armuth wehe thut* ‘Богатство приносит задор, бедность причиняет боль’); *PR 27v I,1 Wagiui begančiem wien’s Kel’s, o ježžkančiem daug Kélû* ‘Вору убегающему – путь один, тем кто его ищет – много путей’ (*Er is über alle Berge* ‘Он за всеми горами’).

2) Дословный или видоизмененный (литуанизированный) перевод немецких пословиц: *PR 25v I,1 Tÿkas Wandû gilus* ‘Тихие воды глубоки (*Still Waßer ist tieff* ‘Тихие воды глубоки’), *PR 25r I,15 Tÿka (tilintiji) Kiaule didele Szákni iškniša* (нем. то же самое).

3) Непосредственно литовские пословицы, которые отражают уклад жизни и менталитет литовского народа. В таких случаях, как правило, Бродовский на немецком языке передает основную мысль паремии: *PR 24r I,5 Ticz tÿloms, laikik Alu Krikβtinoms* ‘Сохрани пиво до Крестин’ (*Spare deinen Vorrath, biß zur nöhtigen* ‘Сохрани свой запас, пока действительно не понадобится’); *PR 3r II,5 Durftinu Zenť’s Lopinu Marti* ‘Зять с надставками, невестка с заплатками (о браке очень бедных молодых)’. Иногда немецкий перевод пословицы не совсем точный, например, вместо «руки» используется лексема «кулак»: *PR 5r I,4 Gerėfnis Žwirblis Rankoje, ne kai’ Ēlnis Giroje* ‘Лучше воробей в руке, чем олень в лесу’ (*Es ist beßer ein Sperling in der Faust, als ein Elend im Wald* ‘Лучше воробей в кулаке, чем олень в лесу’). Есть случаи, когда основная мысль паремии передается точно, но вместо одних животных употреблены другие: *PR 4r I,6 Gaidžio dūtas, Awino graibo* ‘Петуха ему дали, барана ищет’ (*Er ist mit der Ganß nicht zufrieden, er wil einen Ochsen haben* ‘Он не доволен гусем, он хочет получить быка).

3.2.1. Этнографическая литература

Лиана Плаушинайтите указывает, что одним из основных источников, которым пользовался Бродовский при создании словаря, являются светские тексты, а именно – тексты этнографического характера [Plaušinaitytė 2008: 6]. К такой лексике относятся, в первую очередь, названия Богов, например имя языческой богини земли *Žemyna* (*Zeminele Ziedkele PR 24v II,6* и *PR 31v II,4*), которое Норбертас Велюс отмечает как одно из наиболее часто употребляемых Бродовским в своем словаре имён божеств [Vėlius 1996: 236]. Данный теоним встречается в сборнике в дохристианских молитвах:

PR 24v II,6 Tirβtas Krums, dirma raffa. Brandze Warpa, Zeminele {Ž}iedkele. Iβlaikÿk Sweikatoje ir Geribeje Žegnok Walgomus, Geremus, Sejemus, akejemus ant βos Zemineles Ziedkeles paffidzauktis apfergek nug alkana Žweris.

‘Пышный куст, питающая роса. Спелым колосом, о земля, цветы поднимающая, сохрани в здоровьи и благополучии. Осени крестом то, что едят, что пьют, что сеят, что боронят на этой земле, цветы поднимающей, чтобы порадоваться, охрани от зверя голодного’;

PR 31v II,4 Žeminele Žiedkele pakilek mufû Rankû Darbus ‘Матушка Земля, подними вверх труды рук наших’.

В грамматике Клейна, а также в других трудах по лексикографии Малой Литвы встречается два варианта этого теонима – *Žemyna* и *Žemynė* (чаще именно *Žemynė*):

Žemynė Dea teræ (Клейн 61/ 26-27) (ср. словарь Бродовского 597/40 *Žemyna l Žemes pati*)

Кроме того, в словаре указаны такие божества как *Balwonas* (*Götz. Balwónas Gen 31,19 [...] 1Cor 8,4 [...] Abrozās, Stulpas*), *Gabjauja* (*Divitiarum. Gabjauja, [...] B 597*) [*Plaušinaitytė 2008: 237*] и другие. Норбертас Велюс [1996: 68] и некоторые другие исследователи придерживаются мнения, что названия богов Бродовский взял из рукописи этнографа Маттея Претория *Deliciae Prussicae oder Preußische Schaubühne*.

3.2.2. Дидактическая литература

Еще один важный источник, который нужно указать – дидактическая литература. Она Алекнавичене подчеркивает, что особенно важна связь сборника с трудами Даниэля Клейна *Grammatica Litvanica* и *Compendium Litvanico-Germanicum*. Именно на них опирался Бродовский при составлении сборника, особенно в отношении изречений с библейским происхождением [*Aleknavičienė 2014*]:

Wießpat's dūs nulyti ant piktūju Žaibais Ugnimi beį Siera (*PR PR 29v I,14; Клейн 109/ 12-15*)

‘Господь прольет на злых дождь из молний, огня и серы’;

Gėras Médis gėra Waiſu atneß (*PR 4v II,2; 107/ 9-13*)

‘Хорошее дерево принесет хорошие плоды’;

PR 3r I,8 Dūtas, fuſtas mum's eſti Mokintoju ‘Дан, послан нам быть учителем’;

PR 8r II,14 Iis atwėres burna kalbėja ‘Он говорит, открыв рот’.

Совпадают даже некоторые ошибки:

Trumpau apettai (err. apie tatai) primenant (Клейн 110/ 9-10)

PR 24v II,16 Trumpai apie] «←ape» tai primenant ‘Коротко об этом напоминая’.

О. Алекнавичене указывает, что изначально форма *apetai* также имела место у Бродовского, однако позже она была исправлена на *apie tai*. Среди других источников, которыми пользовался Бродовский при создании словаря, Л. Плаушинайтите указывает календари, дневники путешествий, учебники по торговле, учебники по стилю и письму и др. [Plaušinaitytė 2008: 238]

3.3. Особенности лексики

Лексика в сборнике чрезвычайно разнообразна. В словаре Бродовский пользовался фольклором, который отражает крестьянский быт Малой Литвы того времени. При этом, он принимал во внимание не только малые жанры фольклора, но и сборники фольклора тех лет, составленные неизвестными авторами. Например, в сборнике встречаются два примера изречений, взятых непосредственно из текстов литовских песен (с пометой *Daina Lithv.* ‘литовская песня’). Это говорит о том, что большинство паремий Бродовский действительно записывал, услышав непосредственно у людей:

PR 8r II,7 Ie gerru begėrru, je ne gerru gaila, gaila man Alutti paliekant ‘Если пить-недопить, то жалко, жалко мне пиво оставлять’;

PR 27v I,17 Waloje gimjau, Waloje užaugjau] «←užaugau», Newalninka nutekkėjau ‘В воле родилась, в воле выросла, выйдя замуж невольница’.

Возможно, Яков Бродовский также использовал труды различных немецких авторов, например Мартина Лютера:

PR 27v I,1 Wagiui begančiem wien's Kel's, o ježžkančiem daug Kélû

‘Вору убегающему – путь один, тем, кто его ищет – много путей’.

Немецкое соответствие Бродовский приводит следующее: *Er is über alle Berge* ‘Он за всеми горами’. Словарь немецких идиом «Das Wörterbuch der Idiome» [2013] указывает, что данное изречение является старинным немецким высказыванием, которое впервые зафиксировано в текстах Лютера: *denn sie fürchteten sich und wären lieber über alle Berge gewesen.*

Также оригинальное немецкое изречение приведено в следующей пословице:

PR 2v I,14 Dũna Bada, Beda Kojes taifo ‘Хлеб голод исправляет, а беда – ноги’ (*Guth macht Ubermuth, Armuth wehe thut* ‘Богатство приносит задор, бедность причиняет боль’).

Лилия Кудиркиене указывает, что у данной пословицы имеется еще одно литовское соответствие, зафиксированное в разных областях Литвы и имеющее несколько вариантов, например: *Lobis budina, vargas migdina* ‘Богатство будит, горе усыпляет’ [Kudirkiene 2007: 15]. У данной паремии, как пишет Л. Кудиркиене, весьма очевидное значение – богатство не дает его обладателю спокойно спать, доставляет беспокойство и угрызения совести, что и подтверждается примерами, которые приводят другие авторы, занимавшиеся сбором мелкого фольклора. Однако у Бродовского, подчеркивает Кудиркиене, данная паремия обладает несколько другим значением: богатство дает человеку стимул трудиться дальше, в то время как бедность делает человека бездеятельным. Представленное Бродовским толкование и поддерживается немецким соответствием *Guth macht Ubermuth, Armuth wehe thut* ‘Богатство приносит задор, бедность причиняет боль’. Еще один, более точный вариант, видим в словаре Кристионаса Милкуса: *Guth macht Muth, Armuth druckt nieder* ‘Богатство приносит задор, бедность подавляет’ [Kudirkiene 2007:17-18]. Анализ Л. Кудиркиене показывает, что исторически или ситуативно одна и та же пословица может иметь разное значение.

3.3.1. Славянизмы

Отдельно следует рассмотреть славянизмы, так как их в сборнике встречается немалое количество. Возможно, это связано с тем, что в сборнике содержится великое множество диалектных слов. Собранные Яковом Бродовским лексемы принадлежат к юго-западному и северо-западному аукштайтскому диалекту Малой Литвы.

Вилия Сакалаускене подчеркивает, что в основном славянизмы фигурируют в тех литовских говорах, которые имели или имеют непосредственные контакты со славянскими языками. Большую часть заимствований составляют славянизмы из белорусского, польского и русского языков. Среди основных причин появления заимствований Сакалаускене указывает, во-первых, необходимость использования синонимов, а также двуязычное общение, благодаря которому в речь зачастую и попадают заимствования [Сакалаускене 2015: 144].

PR 4v I,14 Geraus Miera, ne kai’ Wiera ‘Лучше мера, чем доверие’;

PR 4v I,11 Geraus czeſliwai mirti, ne kaip neczeſliwai gýwent ‘Лучше с честью умереть, чем без чести жить’;

PR 4r I,2 Czéſo jau prapùle, (pabéga, pafiflepe) ‘Час уж убежал, спрятался’;

PR 38v I,2 Gerreji gére o Bacžka ſkamba. R G. Parſbai B. Kiaule. Пьющие пили, а бочка звенит – Поросята и свинья’;

PR 3v II,3 Eiki gi neſſifukkus nei [Waggis]po Iormarko ‘Иди, не крутись, как вор на ярмарке’;

PR 6v I,14 Graži Klètkà negražus Paukſtis ‘Красивая клетка, да некрасивая птица’;

PR 29v I,5 Wiена Diena Motina, kitta Diena Moczeка] (О→Мoczeka ‘В один день мать, в другой – мачеха’;

PR 27r II,2 Wadinna, ſaukia, pramen ji Práranku ‘Зовет, кричит, прозывает его пророком’;

PR 6v II,1 Gramde Marti Katila ant Swodbos lis ‘Выскребывала невестка котел - во время свадьбы пойдет дождь’;

Выводы к главе

Таким образом, как в словаре, так и в сборнике Якова Бродовского лексика представляет особый интерес в первую очередь благодаря ее разнообразию и всем тем источникам, которыми пользовался Бродовский при подготовке словаря. В словаре и сборнике присутствует как лексика из этнографических текстов, что является тем более важным, учитывая цели, которые преследовал Бродовский при создании словаря – необходимость создания более обширного словаря литовского языка, который включал бы не только религиозную лексику, но и, большое разнообразие слов и выражений, характерных непосредственно для литовского народа. Помимо трудов по этнографии, Яков Бродовский использовал дидактическую литературу, в особенности такие работы Дэниэля Клейна, как *Grammatica Litvanica* и *Compendium Litvanico-Germanicum*. В словаре и сборнике присутствуют также и германизмы: например, рядом с некоторыми изречениями Бродовский часто приводит оригинальное немецкое соответствие той или иной поговорки. Вполне возможно, что в этом он опирался на труды немецких авторов, в первую очередь, Мартина Лютера. Кроме того, в сборнике и словаре можно увидеть великое множество славянизмов, таких, как, например, *Swodba, Boba, Swietas, Klètkà, Bačka* и другие.

Глава 4. Семантика паремий

Семантика паремий, представленных в сборнике Я. Бродовского разнообразна, как сама жизнь. Недаром составительница тома О. Алекнавичене характеризует труд Бродовского метким словом: "сохраненная культурная память" [Aleknavičienė 2014: 10]. Здесь все о человеке: его внешнем виде и внутреннем мире, о трудах, поведении, желаниях, о близких людях и об окружающей живой и неживой природе и т.д. Короткая фраза паремии зачастую вмещает в себе многовековой опыт прошлого, а в иной раз – с разительной четкостью характеризует весьма конкретное время.

Цель данной главы – рассмотреть основные темы пословиц, поговорок и загадок: это тем более важно и интересно, что большая их часть зафиксирована на литовском языке впервые.

В тексте Якова Бродовского паремии расположены не по семантическим полям, а как будто в алфавитном порядке: по первому существительному (например, *akies* в поговорке *PR 23r I,5 Tai pritinka kai Kumščzia ant Akies*), в случае, если существительного в изречении нет, то по первому прилагательному (например, *aklam* в изречении *PR 17v II,8 Sénam, girtam jũkis, o aklam', raibam nefijokis*), если же нет и прилагательного, то за основу берется глагол (*apkarstyt* в паремии *PR 27v II,7 Waikus ne gal apkarstyt*).

Каждой из паремий, представленных в исследуемом сборнике, соответствует определенная ярко-выраженная тематика, благодаря которой их можно распределить по семантическим группам. Некоторые группы включают в себя большое количество изречений, некоторые же – совсем небольшое, однако и они являются яркими представителями той или иной группы. В данной главе мы будем рассматривать только наиболее интересные семантические группы.

Есть случаи, когда перевод той или иной паремии вызывает трудность зачастую из-за того, что представляется сложным ухватить основную идею и мораль какого-либо изречения. Л. Кудиркиене объясняет это тем, что восприятие той или иной паремии может сильно поменяться по прошествии многих лет: одна и та же фраза будет представлять совершенно другую идею. Так как меняется общество, жизненные обстоятельства, меняется и сам человек, его этические и эстетические принципы; ведь само употребление пословиц в жизни зачастую вызвано той или иной ситуацией [Kudirkienė 2007: 13]. Основной причиной изменения в значении пословицы Кудиркиене считает деметафоризацию, то есть то или иное изречение перестает восприниматься как метафора.

Трудность понимания той или иной поговорки, как пишет Кудиркиене, может быть связана также и со спецификой ее плана выражения. Так, например, совершенно неочевидна из внешнего вида негативная коннотация изречения *Ranka ranką plauna* ‘Рука руку моет’ (ситуация, когда участники какого-либо преступления или заговора прикрывают друг друга). Кудиркиене указывает, что такие случаи объясняются последствиями исторического развития общества, то есть, в сущности, традицией [Kudirkienė 2007: 19].

В этой связи важно сказать, что в некоторых случаях значительно облегчает понимание значения того или иного изречения тот факт, что в сборнике почти каждую поговорку Яков Бродовский переводит на немецкий язык, однако есть случаи, когда он дает точное немецкое соответствие той или иной литовской поговорки в немецком языке. В данной главе будут указаны соответствия, представляющие наибольший интерес¹.

4.1. Религия

Первая семантическая категория, (и, возможно, самая обширная) которую мы рассмотрим – Религия. Здесь следует разделить поговорки на две группы:

- А) Поговорки, напрямую связанные с религией;
- Б) Обращение к Богу как способ выражения пожелания.

К первой группе относятся следующие изречения:

PR 1v II,1 Dievo Sunus Žmógumi gimė ‘Сын Господа человеком родился’;

*PR 1v II,3° Dievs ne žūr į Arodą*² ‘Бог не смотрит в закрома’;

PR 2r I,1 Diev's dawe Dantis; Diev's dūs ir Dūnōs ‘Бог дал зубы, даст и хлеба’.

По словам Казиса Григаса, данную поговорку Ф. Руиг, историк и автор труда «*Lietuvių kalbos kilmės, būdo ir sąvybių tyginėjimas*» относит к литовским соответствиям греческих изречений [Григас 1993: 102], приводя также и греческий оригинал данного высказывания: Θεὸς δέδοκε ὀδόντας, Θεὸς δώσει καὶ ἄρτον (дословно: Бог дал зубы, Бог даст и хлеба).

Выделенные в эту группу примеры синтаксически и семантически отличаются от изречений со звательной конструкцией *Dieve duok*. С точки зрения синтаксиса субъектом действия здесь является именно Бог (ср. с конструкциями *Dieve duok*, где *Dieve* – ни что иное как обращение):

¹ Подробнее о типах соответствий см. главу Лексика.

² так или - *aguoda*

PR 2r I,5 Dieu's ta Stunda werczia 'Дословно: Бог воротит временем'¹ ;

PR 2r II,1 Dieu's dawé milédams, Bloznas klaufe rawidédam's

'Бог дал любя, дурак слушал завидуя';

PR 29v II,5 Wieβpat's mēkštafi tais, kurie jo bija 'Господь любит тех, кто его боится';

PR 2r II,1 Dieus neweikus, alle atmenùs 'Бог не действует, но помнящий'.

Также следует упомянуть паремии с наставительной формой, которых в сборнике совсем немного:

PR 19r I,12 Su←Sa> Diewu gér' daljýt 'С Богом хорошо делиться';

PR 19r I,12 Su Diewu negali bartis 'С Богом нельзя ссориться';

PR 27v I,11 Walgik, Diewa garbink, o Namu ne minēk

'Ешь, славь Бога, а дом не упоминай';

PR 2r II,7 Diewui waktójan ir Zmogus tur waktotis

'Когда бог бережет, и человек (должен) беречься'².

Ко второй группе относятся все те изречения, в которых человек высказывает какое-либо пожелание, обращаясь при этом к Богу:

PR 1r I,1 Diēwe dūk! iβ Oβkos Awéle iβ Kiaules Kumele

'Дай Боже! Из козы овечку, из свиньи кобылку';

PR 1r I,4 Diēwe dūk! iβ tawo Burnôs i Diēwo Aufi.

'Дай Боже! Из твоего рта Богу в ухо';

PR 1r I,9 Diēwe dūk! mažu gimt', didžiu [aug]t'

'Дай Боже! Маленьким родиться, большим вырасти';

PR 1r I,16 Diēwe dūk! mirt' ô ne praž{û}t' 'Дай Боже! Умереть, а не погибнуть';

PR 1r II,1 Diēwe dūk! kadd' ir Pulk's Waiku bus, kadd' geri bus, nežinofi kur Swiete éfancziu; ô kadd' ir wien's, o netikes bus, tai to wieno bus piln's Swiet's

¹ Лебедис объясняет эту поговорку как: Dievas gali laikus pakeisti = Бог может времена поменять. см. [Lebedys 1956: 390]

² В словаре Бродовский дает форму глагола bevaktuojant: Diewui waktuojan ir Zmogus tur waktotis

‘Дословно: Дай Боже! Пусть и ватага детей будет, если хорошие будут, то и не узнаешь, где на свете они; а если один, да и негодный будет, то этим одним будет полон свет’.

Как можно увидеть, перечисленные выше изречения обладают следующими характерными особенностями: во-первых, это выражение пожелания в конструкции *Diewe duok*, где лексема *diewe* употреблена в форме звательного падежа, а глагол *duok* – в императиве. В русском языке похожая форма является довольно употребительной, например, в выражении *(не) дай Бог (Боже)*. Следует отметить характерную особенность синтаксической структуры в паремиях данной группы: разделение предложения на две смысловые части: восклицательное предложение *Diewe duok!* и, соответственно, само пожелание говорящего:

PR 1v I,3 Diewe dūk! wūzūtu, ô pinnigūtu ‘Дай Боже! В лаптях, но с деньгами’;

PR 1r I,6 Diewe dūk! kadd’ ir Ilti iβneβczia ‘Дай Боже! Чтобы и клык вынес’.

С семантической точки зрения следует подчеркнуть, что в изречениях с данной конструкцией само пожелание связано, как правило, с теми или иными особенностями повседневной жизни, а именно с самым важным для человека – семьей и работой. В. М. Мокиенко указывает, что бог – это ‘тот, кто наделяет материальными благами, богатством и счастьем’, и именно эта «одевающая» функция бога и подчеркивается в различных фразеологических выражениях и пословицах, таких, как, например, рассматриваемые в этой главе – *Diewe duok* ‘Дай Бог’ [Мокиенко 1986: 134]

PR 29v I,14 Wieβpat’s dūs nulūti ant piktūju Žaibais Ugnimi bej Siera

‘Даст Бог окатить злых дождем из молний, огнем и серой’;

PR 2r I,7 Diewui pádedant ‘С Божьей помощью’.

Помимо обращений к Богу, в сборнике встречаются две паремии с теонимом *Zeminele {Ž}iedkele*, который является элементом дохристианской молитвы [Алекнавичене 2014: 189]:

PR 24v II,3 Tirβtas Krums, dirma raffa.Brandze Warpa, Zeminele {Ž}iedkele. Iβlaikyk Sweikatoje ir Geribeje Žegnok Walgomus, Geremus, Sejemus,akejemus ant βos Zemineles Žiedkeles passidzauktis apfergek nug alkana Žweris.

‘Пышный куст, питающая роса. Спелый колосос, о земля, цветы поднимающая, сохрани в здоровье и благополучии. Осени крестом то, что едят, что пьют, что сеят, что боронят на этой земле, цветы поднимающей, чтобы порадоваться, охраняй от зверя голодного’;

PR 31v II,4 Žeminele Žiedkele pakilek mufû Rankû Darbus ‘Матушка Земля, подними вверх труды рук наших’.

4.2. Характеристика человека

4.2.1. Характер и отношения

Данная семантическая группа является весьма обширной: к ней в большей или меньшей степени можно отнести каждое третье изречение, включенное в сборник¹.

PR 2r I,23 Duße ne Žmógus f. Žmona ‘Душа, а не человек / жена’²;

PR 4v I,11 Géra Môte Wirui Kéle daro

‘Хорошая жена мужу дорогу стелит (досл. делает)’;

PR 5v I,14 Giroj’ auges ‘В лесу вырос’ (о некультурном человеке);

PR 25r II,6 Tÿkas Wandû gilus ‘Тихая вода глубока’.

У данной пословицы в исследуемом сборнике мы находим также и синонимы: *PR 25r I,14 Tÿka (tilintiji) Kiaule didele Szákni ißknifa* ‘Тихая свинья большой корень вырывает’ и *PR 25r II,6 Tyka kai Wanag’s* ‘Тихий как ястреб’ (опасный).

Оригинальное немецкое соответствие, которое переводится идентичным образом, к обеим паремиям приводится одно и то же, *Still Waßer ist tief*. В русском языке данной пословице соответствовало бы следующее изречение «В тихом омуте черти водятся».

PR 4r I,9 Galétu jis Pauta po Angim’ paimti

‘Он мог бы яйцо из под змеи достать’ (очень ловкий и хитрый человек);

PR 25r II,3 Tur Galwa Pakaußÿ ‘дословно: Имеет голову в затылке’ (об умном, сообразительном человеке);

PR 7r I,20 Gÿriaſi wiſs’ žinnas ‘Хвалится, будто всё знает’;

¹ К данной группе имеют отношение в том числе и паремии, в которых фигурируют образы животных, но их мы выделяем в отдельную группу.

² Об очень хорошем человеке. [Lebedys:1956]

PR 23r II,3 Tawo Lupos Dantu n'aptenka 'Твои губы не закрывают зубов' (о задорном человеке, который постоянно улыбается);

PR 6v I,11 Glupas nuėjo, Duka parėjo 'Глупым ушел, глупым вернулся'.

Данному изречению в немецком соответствует следующее: *Eine Gans flog übers Meer, eine Gans kam wieder her* 'Гусем улетел за море, гусем и вернулся обратно'.

Большое количество паремий, относящихся к этой семантической группе, объединяет характеристика «хороший»:

PR 4v I,3 Gérai Dúbei wisf geraÿ 'У хорошей души всё хорошо';

PR 4v I,5 Gérai Ugnis kurt', prie' Kélmo (Kéro) <←Kero> sauso

'Хорошо разводить огонь у сухого пня' (с хорошей руки всё хорошо пойдет);

PR 4v II,2 Géras Médis géra Waifu atneß 'Хорошее дерево хороший плод приносит'.

PR 5r I,19 Ger's Žódis géra Wieta randa 'Хорошее слово находит хорошее место';

PR 5r II,4 Gerri Miltai mokinn' Képeje] <O→Képeje>,gerri Linai W{é}rpéje

'Хорошая мука учит пекаря, хороший лен – пряжу'.

Часто конструкции подобного типа строятся на антитезе. Как правило, противопоставляются следующие качества: добро-зло, жизнь-смерть, красота-уродство, ум-глупость. Д. Н. Медриш указывает, что метафорическая антитеза – весьма характерное для фольклора явление [Медриш 1995: 101]. В исследуемом материале на себя обращает внимание повторение слов, аллитерация, а также рифма, возможно, потому, что это облегчает запоминание тех или иных изречений:

PR 4v I,8 Geram ger's, piktam pikt's 'Хорошему – хороший, злему – злой';

*PR 4v I,11 Geraus czešliwai mirti, ne kaip neczešliwai gýwent'*¹

'Лучше с честью умереть, чем без чести жить';

PR 7r I,5 Gražus Paukštis ne gražėÿ gieft 'Красивая птица, да некрасиво поет';

PR 8v I,11 Ilga Kafà, trumpas Prótas 'Длинная коса, да ум короток'.

¹ Более подробно о славянизме *česliwai* см. главу Лексика

Интересен следующий пример, который ярко характеризует конфликтную ситуацию между людьми:

PR 20r I,12 Sutinka kai' Akmũ fu Kirwju или Sutinka kai Aβmens Kirwjei

‘Встречаются как камень с топором’.

Точное немецкое соответствие здесь приводится следующее: *Sie vertragen sich wie Hunde v. Katzen* ‘Они ладят как собаки и кошки’. По форме литовская паремия имеет очевидное сходство с русской «Нашла коса на камень», которая обладает таким же значением – о непримиримом столкновении характеров, взглядов, интересов и т.п.

4.3. Социальные роли

Важное значение имеют различные социальные роли, которые встречаются в паремиях сборника. Сюда в первую очередь включена оппозиция Отец – Ребенок, а также такие роли, как Гость, Нищий, Пьяный и Вор. Особенный интерес представляют три последние роли – Нищий, Пьяный и Вор. Л. Кудиркиене подчеркивает, что об образе жизни народа и его мироощущении можно наиболее полно узнать, исследуя обозначаемый пословицами и поговорками традиционный взгляд на таких членов общества, как глупец, нищий, холостяк, внебрачный ребенок, еврей и другие, то есть, лица, которые находятся в этом смысле «на краю» общества и имеют несколько иной статус, чем все остальные члены общества [Kudirkienė 2001 : 122]

4.3.1. Отец – Ребенок

Как правило, у изречений в данной паре похожий сценарий с весьма негативной коннотацией – подчеркивается бездарность детей, которые не испытывают благодарности к отцу и не уважают его. Конструкции паремий подобного типа строятся на антитезе – противопоставлении отца-благодетеля и бестолкового ребенка:

PR 23v I,14 Tewélis Dudinink's, Sunélis Bubninink's

‘Отец – на дуде игрец, сын – грохотало’;

PR 23v I,19 Tew's pén waikus Žuwimis, o waikai Tewa Szunnimis

‘Отец кормит детей рыбой, а дети отца – собачатиной’;

PR 27v II,3 Waiks Oboli krem{ta}, bet Tewui dantis atβimpa

‘Ребенок яблоко грызет, а зубы у отца стираются’;

PR 27v I,7 Waiku kai’ Pupu] (Grikku) ô Dũnos nei] <←nè Pluttos ‘Детей как бобов (гречки), а хлеба – ни корки’;

PR 17r I,7 Sa Rÿkβte (Kudiki) nenuwarifi <←nanuwarifi] (I Kápinēs) fa Piragu ne parwadifi

‘С розгой (ребенка) не загонишь (на кладбище), с пирогом не приведешь домой’;

Следующее изречение, которое мы рассмотрим, наоборот, дает характеристику самого человека, и, если быть точнее, его достатка. Здесь мы впервые в исследуемом материале видим негативное отношение, направленное непосредственно на родителя:

PR 27v II,7 Waikus ne gal apkarstÿt ‘Детей одеть («обвешать») не может’.

4.3.2. Гость

Как правило в поговорках, где главным героем выступает Гость показано негативное к нему отношение:

PR 20v I,1 Swécias Swécio bódis; o Gaspadorus abiejû] <←abejû ‘Гость гостю надоедает, а хозяин – обоим’.

Так, например, в данной поговорке прямо выражается неодобрительное отношение хозяина к гостю:

PR 20v I,4 Swecże linkſmaÿ iβleida, ne ražureja nei kreiwajÿ ‘Гостя радостно проводил, даже криво (искоса) не посмотрел.

Нужно заметить, что званный или незванный гость – в исследуемых поговорках никак не помечается, в то время как, например, в русской традиции неодобрительно отзываются именно о непрошенных гостях: «Незванный гость хуже татарина», «На незваного гостя не припасена и ложка», «Званный — гость, а незванный — пес», «Незваного гостя с пира долой» и другие.

PR 20v II,1° Swécias ne ilgay ura, alle daug mato ‘Гость недолго в гостях, но много видит’ (рус. Гость недолго гостит, да много видит);

PR 21r I,1 Sweczju Wálgis ikk’ Wártu ‘Гости едят до самых ворот’;

4.3.3. Нищий

Частым в исследуемых паремиях является образ Нищего:

PR 26r I,2 Ubago Ramtis ne ieis i Iawus ‘Палка нищего в хлеба не идет’;

PR 22r I,5 Szû nefajfiskas ant Ubagû ‘Собака на нищего не нападает’;

PR 17v I,20 Senjfte, Ubbagjfte, Negaljfte ‘Старость, нищета, немочь’.

Интересными являются два немецких соответствия, представленные вместе с этим изречением:

Viel Jahr, viel Gefahr ‘Много лет, много опасности’;

Wenn das Pferd alt ist so spannt man es in den Karren ‘Если лошадь стара, ее запрягают в телегу’.

4.3.4. Пьяный

Обширно в исследуемом материале представлены паремии, характеризующие пьянство и всевозможные его последствия для жизни человека. Здесь ключевым является образ Пьяного. Как правило, представленные в данной семантической группе изречения строятся на антитезе – чаще всего пьяный человек противопоставляется трезвому (похмельному):

PR 6r I,7 Girt's ir ważût's, pagirom's ne pëßczes

‘Пьяный словно проедет там, где похмельный и пешком (= с трудом) не пройдет’;

PR 6r I,9 Girt's penkeis; ßëßeis, o pagirom's ne wienais

‘Пьяный (хвастается) и пятью и шестью, а в похмельный – ни одним’.

Рядом со следующими примерами в исследуемом сборнике указывается помета *daina lithv.* ‘литовская песня’. Это еще раз доказывает тот факт, что большинство паремий Бродовский записывал, услышав непосредственно у людей:

PR 8r II,7 Ie gerru begèrru, je ne gerru gaila, gaila man Alutti paliekant ‘Если пью, то пью, если не пью, то жалко, жаль мне пиво оставлять’;

В некоторых пословицах можно отметить противопоставление пьяного глупому или, например, людям с теми или иными болезнями:

PR 17v II,7 Sénam, girtam jūkis, o aklam', raīṣam ne neffijokis 'Над старым, пьяным смейся, а над слепым, хромым– не смейся;

PR 6r I,4 Girto Dowana, raiko Džiaugfmas 'Подарок пьяного - радость глупому'.

Одной из характерных черт паремий, включенных в данную семантическую группу, является частое упоминание пива и алкогольных напитков, в общем. В таких изречениях пиво, как правило, употребляется в прямом значении:

PR 20r I,16 Suīdze Aļu 'Чует пиво';

PR 21r I,8 Szalt's Miegas Aļu jaučient 'Холоден сон, когда чувствуешь пиво';

Однако немало случаев, когда очевидно, что пиво – это всего лишь некий образ, символ. Например, в следующей пословице с элементами наставления оно характеризует нечто ценное, то, что нужно поберечь, и мы понимаем, что это не обязательно пиво в прямом смысле слова:

PR 24r I,5 Ticz tyloms, laikik Aļu Krikṣtinoms 'Тихонько тихо (не показывая) сохрани пиво на Крестины' (береги запасы).

В следующем примере пиво также выступает как некий образ.

PR 28r I,1 Wandeni gēres ne bufi girt's 'От воды пьян не будешь'.

Именно благодаря данному контрасту можно предположить, что пословица обладает переносным значением, что и доказывает немецкое толкование данной паремии, которое приводит Я. Бродовский: «Из ничего не будет ничего». В русской традиции пословицы с похожим значением очень частотны. Это, например, «От чаю пьян не будешь» и «С погляденья сыт не будешь».

4.3.5. Вор

Одним из наиболее ярких образов в паремиях, собранных Бродовским является образ Вора:

PR 17v II,17 Saw Wāgis Szū ne lója 'На своего вора собака не лает';

PR 3v II,1 Eiki gi neffifukkus nei Waggis po Iormarko

'Иди же, не крутись как вор на ярмарке';

PR 27r I,9 Wāgis wāgi waro 'Вор вора гонит';

PR 27v I,2 Wagiui beganćiem wien's Kel's, o jeźžkanćiem daug Kélû

‘Вору убегающему – путь один, тем кто его ищет – много путей’.

PR 31r I,1 Wokdam's ne pralopfi ‘Воруя не разбогатеешь’.

4.4. Животные

Одной из наиболее ярких семантических групп сборника является группа «Животные». Паремии, в которых ключевыми образами являются те или иные животные – это, в первую очередь, высказывания о самом человеке, его характере, а также меткая характеристика общества, в котором он живет. В том, что во многих языках присутствует большое количество изречений, где фигурируют те или иные животные, нет ничего необычного, так как рядом с человеком всегда жили собаки, кошки, домашние птицы и многие другие. Многие животные, которые встречаются в исследуемом материале – это именно скот, то есть, то, что было ближе всего человеку.

4.4.1. Животные в загадках

В сборнике они присутствуют как в изречениях, которые являются прямым высказыванием, так и в загадках. При этом часто при помощи анималистических образов объясняется загаданный предмет или явление:

PR 13r II,5 Mazas Žirgelis wiffa Swieta iβlaizia (Piautuws piutije)

‘Маленькая лошадка весь мир вылизала’ (Серп в уборке);

PR 33v I,2 Āklas Karwélis, po wiffa Swieta iβlaksto .R. Grómata

‘Слепой голубь по всему свету разлетается – письмо’;

Синонимом данного изречения является следующая паремия:

PR 35r I,4 Balta Dirwa, jūda Sėkla, ret's priėjes Diega pažýft' R Raβtas.

‘Белая пашня, черное семя, редкий (человек) подойдяс росток узнает – письмо’;

PR 16v II,7 Penki Peflei wiena Loki traidinn'

‘Пять коршунов одного медведя опорожняет ‘Сморкаться держа нос пятью пальцами’.

PR 37r I,3 Dwýlas Iautis wiffas Nendres iβláužo.R Miegas

‘Бурый бык (вол) весь тростник поломал’ (сон);

С другой стороны, можно выделить большое количество изречений, где загаданным предметом, наоборот, является само животное:

PR 10r I,9 Kas puikias Baznycioj’ R Musfe ‘Кто важничает в церкви? Муха’;

PR 10v I,2° Kas yra gražefnis po Smerczo, ne kai gyws! R Wėzys

‘Кто красивее после смерти, а не когда жив? Рак’;

PR 10v II,3 Kas yra ir uz Kornycze Bazny{ci}os||aukβciaus] <←aukβcie> aukβciaus] <←aukβcie>, [o nupulda{m}s p{a}ikas?] R [Zwirblÿs, nupuldams] <←nupuldas> [p{a}ikas; Szudas Zwrblio puikę lengwaÿ nupul. ‘Кто выше башни церкви, а упав – глупый? Воробей’;

Паремии подобного типа имеют особенную синтаксическую конструкцию. Как правило, это бессоюзные предложения, в основе которых лежит перечисление различных характеристик или явлений:

PR 34v I,10 Ateit Zmogus ant Kuikiu, ju Mefos Barzda, nū Kaulo Burna. R Gaidÿs

‘Дословно: Приходит человек на ходулях, из мяса борода, из кости рот – петух’;

PR 36r I,9 Du žibinn’, ketturi klója, wien’s gul R Szù

‘Двое светят, четверо стелят, один лежит – собака’;

4.4.2. Собака

Необходимо рассмотреть также наиболее ярких представителей животного мира, встречающихся в исследуемом сборнике. Рассмотрим для начала паремии, где фигурирует образ Собаки, так как именно этот персонаж встречается среди изречений с различными животными наиболее часто. Это, например, паремии, в которых при помощи образа собаки выражен какой-либо признак:

PR 17v II,21 Sėfim draugiβkaÿ, ėfim] ꞑc. [deβera_ βuniβkaÿ

‘Сядем по-дружески, будем есть колбасу по-собачьи’;

PR 35v I,2 Didėfnis uż Arkli mažėfnis uż Szunni.R der Sattel auffm Pferdt

‘Больше лошади, да меньше собаки’ (седло на лошади).

Также это большое количество изречений, где образ собаки является самостоятельным:

PR 19r I,1 Strugs] <←-Struks> [*Szû be Ūdegôs, fu Ūdega butu ilgéfnis*

‘Собака без хвоста короткая, с хвостом была бы длиннее’;

Немецкое толкование *Geld schadt der Liebe nicht* ‘деньги любви не повредят’.

PR 21v I,14 Szû be Skolôs ‘Собака без долга’ ;

PR 22r I,8 Szun’s Bálfas n’ eit i Dangu. ‘Голос собаки не доходит до неба’;

PR 22r I,16 Szû rawid Szun Kuknon eiti ‘Собака завидует другой собаке, что та идет в кухню’;

PR 23r I,21 Taw Wilke Ožkos gint] *R* [*Netikkiu. || Wÿs Szunnÿs*] *R* [*Tam tikkiu*

‘Тебе, волк, пасти коз. Не верю | Погонят (тебя) собаки. Этому верю’.

4.4.3. Волк

Другим ярким образом, который наиболее часто встречается в исследуемом материале, является образ Волка. Волк — символ свободы и бесстрашия в животном мире. Он выделяется среди других животных своим умом, хитростью, силой. В фольклоре образ волка зачастую обладает негативной коннотацией — волк олицетворяет коварство и жестокость, нечто враждебное человеку. Однако в исследуемом сборнике образ волка, наоборот, несет нечто положительное. Это можно видеть из следующих изречений:

PR 7r I,11 Gul Wilkas] <←-[{Gi}]ms nedzûfta, téka Wilkas tunka

‘Лежит волк не чахнет, побежал – стал толстеть’;

В данной паремии волк – ни что иное как символ трудолюбия. Здесь можно обнаружить немало общего с русской традицией. В русском языке также немало изречений, в которых волк изображается умным и хитрым зверем: «Волков ловят не гонкой, а уловкой», «Волка ноги кормят».

PR 17v I,11 Sen’s jis Wilk’s ‘Старый он волк (об опытном, умном человеке)’

Здесь также можно привести пример из русского языка *Морской волк* ‘человек, опытный в морском деле’;

PR 29r I,1 Wercżes ir Wilku ir Lape (wenn der Fluchs Balg nicht gilt, so zieht man die Löwen Haut an) ‘Оборачивается и волком, и лисицей (о двуличном человеке)’.

В сборнике присутствует, например, и такое изречение (упомянутое выше в другой связи), в котором образ волка выступает как негативный, по крайней мере, олицетворяет нечто, чему не следует доверять:

PR 23r I,21 Taw Wilke Ožkos gint | *R [Netikkiu. || Wjys Szunnjys]* | *R [Tam tikkiu*
‘Тебе, волк, пасти коз. Не верю | Погонят (тебя) собаки. Этому верю’.

4.5. Орнитонимы

4.5.1. Петух

В данной подгруппе наиболее часто встречающимся образом является Петух. Эта птица — символ задирчивости. Одним из проявлений жизненной силы петуха является и его исключительная воинственность, нашедшая отражения в фольклоре, символике и эмблематике (в частности, в геральдике) [Топоров 1992: 309-310].

PR 2r II,8 Du Gaidziu ant wieno Mezino ne futinka

‘Два петуха на одной куче навоза не ладят’.

Во многих языках «часовая» роль петуха выделяется в первую очередь. Это можно увидеть из известных русских загадок, например «Не часы, а время сказывает», «не сторож, а всех рано будит». В.Н. Топоров подчеркивает, что в основе мифологического образа петуха во многих традициях - его связь с солнцем. Как и солнце, петух «отсчитывает время» (ср. русс. «первые петухи», «третьи петухи», до «петухов»). Петух не только возвещает о начале дня, но и является проводником солнца как в его годовом, так и суточном циклах [Топоров 1992: 309].:

PR 40r I,5 Iūd's Gaidjys ant Tworos tupp', Udega ikki Zémei, Balfas ikki || Dangui
R Zwanas

‘Черный петух на заборе сидит, хвост до земли, голос до неба – ‘колокол’;

PR 4r I,4 Gaidjys per Nakti rojūjia ‘Петух всю ночь поет’;

PR 4r I,6 Gaidzio dūtas, Awino graibo ‘Петуха ему дали, барана ищет’ (о характере человека – ничем не доволен).

4.5.2. Ворон/ворона

Отдельно следует рассмотреть паремии, в которых центральным является образ ворона. В. Н. Топоров указывает, что в мифологии и фольклоре ворон является прежде всего хищником, проводит много времени именно за поиском пищи [Топоров 1980: 245]. Таким образом, можно предположить, что данный орнитоним в указанной ниже пословице неслучаен:

PR 28v I,1 Wárna ankstiboji Dantis, weliboji||Akis krapβta (нем. Кто рано встает – вытирает рот, кто поздно встает – глаза);

‘Ранняя ворона вытирает зубы, поздняя – глаза’

Топоров подчеркивает коварство как одну из наиболее характерных черт ворона:

PR 28v I,5 Wárna be Szokczójimo ne ftow ‘Ворона не прыгая стоять не умеет’.

Если ворон выступает как представитель семьи, его трюки удаются, когда они направлены против «чужих», и не удаются, когда ворон действует в ущерб «своим», нарушает физические или социальные нормы. Отражение данной характеристики ворона мы находим в следующей пословице, в которой прослеживается оттенок наставления и подчеркивается, что «своих» трогать не следует:

PR 28v I,7 Wárna Wárnôs Akiês ne kerta ‘Ворона вороне глаз не царапает’.

Выводы к главе

Таким образом, в связи с тем, что число паремий, включенных в сборник, насчитывает около 2000, был проведен семантический анализ тех изречений, которые представляют наибольший интерес для данного исследования. Исследуемый сборник Яков Бродовский создавал непосредственно для своего словаря. Из примеров можно видеть, что Бродовский действительно пользовался при собирании материала как религиозными текстами (что видно из большого количества изречений сборника на религиозную тему), так и трудами античных авторов (*PR 2r I,1 Diew’s dawé Dantis, Diew’s dūs ir Dûnôs* ‘Бог дал зубы, даст и хлеба’). Это, например, такие паремии как *PR 1v II,1 Diewo Sunus Źmógumi giñe* ‘Сын Господа человеком родился’, *PR 1v II,3° Diews ne źur i Aroda* ‘Бог не смотрит в закрома’, а также изречения, в которых фигурируют христианские праздники (*PR 24r I,5 Ticz tyloms, laikik Alu Krikβtinoms* ‘Тихо, тихонечко сохрани пиво для крестин’). Несмотря на это, Бродовский включал в

сборник лишь немногие изречения, обнаруженные в данных источниках. Большую часть паремий составляют пословицы и поговорки, которые он мог записать только услышав в народе: об этом говорят и дохристианские элементы типа *Žeminele Ziedkele* (PR 24v II,3 и PR 31v II,2) а также сама форма, в которой они употребляются (целые обращения и части неких старинных обрядов). Встречаются изречения, которые представляют собой строки из песен (их Бродовский дает с пометой *daina lithv*). Об этом говорит и цитата Г. Остермайера, современника Бродовского, которую приводит Григас: «Иногда он даже мог поехать за несколько миль из-за одного слова или фразы, чтобы только понять их смысл» [Григас 1993: 103].

Заключение

Во-первых, важным результатом работы является обширный паремиологический и лингвистический анализ исследуемого материала – сборника мелкого фольклора Малой Литвы «Litauische Sprichwörter und Rätsel», создателем которого является выдающийся литовский лексикограф и автор немецко-литовского и литовско-немецкого словаря «Lexicon Germanico-Lithvanicum et Lithvanico-Germanicum» Яков Бродовский. Анализ включает в себя подробное рассмотрение включенных в сборник паремий с точки зрения структуры и формы изречений, особенностей лексики и семантики. Анализ показал, что формы паремий сборника необычайно разнообразны: здесь присутствуют как пословицы и поговорки в традиционном понимании, так и загадки, апофтегмы, афоризмы и присловья. Особый интерес вызывают так называемые «дохристианские молитвы» с использованием языческих теонимов, а также целые сценки с подробным описанием. Необычайно разнообразна и лексика, встречающаяся в паремиях: становится очевидным, что при подготовке сборника пользовался большим количеством различных источников – это и дидактическая литература, и труды по этнографии. Обращают на себя внимания многочисленные славянизмы. Также, одной из целей работы был анализ наиболее ярких семантических групп, которые фигурируют в паремиях сборника, что и было выполнено.

Во-вторых, настоящее исследование подтверждает тот факт, что Бродовский действительно пользовался при собирании материала как религиозными текстами, в которых, как было выяснено, встречаются языческие и христианские элементы, так и трудами античных авторов, но в гораздо меньшей степени. Также при анализе стало очевидно, что большую часть паремий, которые фигурируют в сборнике, Бродовский действительно записал непосредственно при общении с народом. Проведенный анализ подтверждает абсолютную уникальность исследуемого сборника: перед нами не просто материал, который автор собирал для того, чтобы впоследствии включить в

словарь, а настоящий литературный и исторический памятник, который отражает не только характерные особенности литовского языка того времени, но и литовскую культуру, национальную самобытность и менталитет.

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что во время подготовки данного исследования была проведена обширная работа по переводу паремий Якова Бродовского на русский язык, что зачастую вызывало определенные трудности в связи с тем, что лексемы, содержащиеся в большинстве изречений, являются весьма специфическими диалектными словами, либо историзмами.

Список литературы

1. Словари и энциклопедические издания

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. 1–20. V., 1941–2002. Elektroninio varianto I leidimas, 2005. www.lkz.lt

2. Источники

Aleknavičienė 2014 — Ona Aleknavičienė. Jokūbo Brodovskio patarlių, priežodžių ir mįslių rinkinys. Litauische Sprichwörter und Rätsel. Kritinis leidimas su faksimile ir indeksais. Lietuvių kalbos institutas. Vilnius, 2014 592 p.

3. Исследовательская литература

- 1) Бредис 2015 — М.А. Бредис. Балтийская паремиология от истоков до современности: подходы к изучению и определению пословиц в латышском и литовском языках. Филологические науки в МГИМО, выпуск 4. МГИМО-Университет, 2015. 7 с.
- 2) Даль 1957 — В. И. Даль. Напутное. Пословицы русского народа. М., 1957. 814 с.
- 3) Капица 2011 — Ф. С. Капица. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : справочник — 8-е издание. М.: Наука, 2011. 296 с.
- 4) Капитульский 2011 — Е.Б. Капитульский. Язык катехизиса Б. фон Зандена «Krikščioniškas susikalbėjimas». СПб, 2011 (рук.). 95 с.
- 5) Квятковский 1966 — А. П. Квятковский. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. — М.: Сов. Энцикл., 1966. 376 с.
- 6) Мень 2002 — Протоиерей Александр Мень. Библиологический словарь в трех томах. Том I, М.: Фонд имени прот. Александра Менья, 2002. 605 с.

- 7) Медриш 1995 — Д. Н. Медриш. Метафорическая антитеза в стихотворном цикле А.С. Пушкина «Песни западных славян». Журнал «Русская речь», выпуск 5, 1995. 7 с.
- 8) Михельсон 1896 - 1912 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., 1896—1912. 1610 с.
- 9) Мокиенко 1986 — В.М. Мокиенко. Образы русской речи. — Ленинград: Издательство Ленинградского Университета, 1986. 277 с.
- 10) Ожегов 2003 — С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Толковый словарь Ожегова., М.: 2003. 994 с.
- 11) Пермяков 1988 — Г.Л. Пермяков. Основы структурной паремиологии. Наука, 1988. 236 с.
- 12) Brodovskis 2009 — Jokūbas Brodovskis. Lexicon Germanico-Lithvanicum et Lithvanico-Germanicum: rankraštis XVIII amžiaus žodynas dokumentinis leidimas su faksimile, perrašu ir žodžių registru. Parengė Vincentas Drotvinas. 3 t. T. 1 : Abtilgen die Gefetze I'ftátimus iþgaiþinti - Futter unter Sattel Paklódas, 2009. 951 с.

- 13) Drotvinas 2008 — Vincentas Drotvinas. Michaelio Mörlino traktatas

Principium primum in Lingva Lithvanica: dokumentinis leidimas ir studia.

Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. 166 с.

- 14) Drotvinas 2009 – Proverbia Jokūbo Brodovskio žodyne Lexicon Germanico–Lithvanicum et Lithvanico–Germanicum (leksikografinis aspektas) // Nuo Konstantino Sirvydo iki Didžiojo žodyno (Tarptautinės mokslinės konferencijos pranešimų tezės, 2009 m. lapkričio 19-20 d.).
- 15) Kudirkienė 2007 — Lilija Kudirkienė. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas, in: Tautosakos darbai, t. 33, 2007. 13 с.
- 16) Lebedys 1956 — Smulkioji lietuvių tautosaka XVII-XVIII a. Priežodžiai, patarlės, mįslės. Paruošė Jurgis Lebedys. Vilnius, 1956. 634 с.
- 17) Palionis 1979 — J. Palionis. Lietuvių literatūrinės kalbos istorija. Vilnius, 1979. 320 с.
- 18) Plaušinaitytė 2008 — Lina Plaušinaitytė. Nichtlexikographische Quellen des deutsch-litauischen handschriftlichen Wörterbuchs von Jacob Brodowski. Kalbotyra 59 (3), 2008. 11 с.

- 19) Plaušinaitytė 2010 — Lina Plaušinaitytė. Jokūbo Brodovskio žodyno leksikografinis metodas. Vilnius, 2010. 332 c.
- 20) Sabaliauskas 1979 — Algirdas Sabaliauskas. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. Vilnius: Mokslas, 1979. 254 c.
- 21) Vėlius 1996 — N. Vėlius. Mitinė leksika Jokūbo Brodovskio žodyne. Tautosakos darbai, 1996, t. 5 (12). 5 c.
- 22) Das Wörterbuch der idiome 2013 — Das Wörterbuch der idiome, 2013.
- 23) Zinkevičius 1990 — Zigmantas Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorija, t. IV: Lietuvių kalba XVIII-XIX a. Vilnius: Mokslas, 1990. 331 c.